

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ
СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ**

Книга 3

Санкт-Петербург
2022

УДК 21.161.1-4
ББК 84.3(2Рос=Рус)1
Л64

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации*

Ответственный редактор и составитель
Н. А. Прозорова

Редакционная коллегия:

А. М. Грачева, д-р филол. наук, *Т. В. Игошева*, д-р филол. наук,
Н. А. Прозорова, канд. филол. наук, *Т. С. Царькова*, д-р филол. наук

Рецензенты:

А. Г. Разумовская, д-р филол. наук, *В. Н. Терехина*, д-р филол. наук

Л64 Литературный архив советской эпохи: сб. ст. и публ. Кн. 3 / [отв. ред.-сост. Н. А. Прозорова]. — СПб.: ООО «Полиграф», 2022. — 656 с., 16 с. [вкл.]

ISBN 978-5-91868-030-8 (т. 3)

Третья книга издания «Литературный архив советской эпохи» подготовлена на базе неизвестных материалов из отечественных, зарубежных архивов и частных собраний.

Литературная репутация М. А. Зенкевича в 1930-е гг. осмыслена с привлечением новых источников. Тема взаимоотношений Ф. А. Абрамова с властью рассмотрена в контексте травли писателя, вынужденного обратиться с письмом к Н. С. Хрущеву (1954). Статья о первой советской пьесе Д. Щеглова «Пурга», поставленной в США, написана с опорой на архивные материалы. На примере новонайденных текстов о Зое Космодемьянской рассмотрен механизм творения советского мифа в фольклорной традиции. Интересный комментарий дан к неопубликованным заметкам К. А. Федина о Есенине и Маяковском. В статье о неизвестном шарже на Н. А. Заболоцкого проанализированы источники, повлиявшие на визуальную составляющую рисунка Н. Э. Радлова. Артистическая жизнь Ленинграда 1920—1930-х гг. представлена в зеркале литературного салона Л. М. Поповой и ее «Альбома» с автографами литераторов. Окружение Э. Л. Линецкой, мастера ленинградской школы переводчиков, отражено в инскриптах ее друзей и учеников (1950—1990-е). В книге впервые печатаются: последняя редакция стихотворения Т. Г. Гнедич «Вы помните? Через пустынный мост...» (<1970>); новеллы В. А. Рождественского из книги «Шкатулка памяти» (1972); поэма О. А. Охапкина «Fliegend Holländer» (1972); письма И. Г. Лежнева к А. М. Ремизову (1923—1926); воспоминания И. М. Арутюнова о встречах с В. Маяковским (1927); отрывок из дневника Е. А. Вечтомовой о жизни писателей в блокадном Ленинграде (1941—1942); воспоминания Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском в 1905—1928 гг.

Издание иллюстрировано и адресовано филологам, специалистам гуманитарного профиля и всем интересующимся русской литературой советской эпохи.

ISBN 978-5-91868-030-8 (т. 3)

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Литературный архив советской эпохи, 2022

© Коллектив авторов, 2022

© ООО «Полиграф», 2022

МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ЭПИСТОЛЯРИЙ

DOI: 10.31860/978-5-91868-030-8-445-480

ПИСЬМА И. Г. ЛЕЖНЕВА А. М. РЕМИЗОВУ (1923—1926)

*Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Е. Р. Обатниной*

Аннотация: В публикации эпистолярных документов из американского архива А. М. Ремизова (Amherst College Center for Russian Culture. USA) раскрываются неизвестные эпизоды биографии обоих корреспондентов — писателя, разделившего судьбу русских эмигрантов с осени 1921 г., и редактора первого «беспартийного» журнала «Новая Россия» («Россия»; 1922—1926), идеолога национал-большевизма, впоследствии известного партийного деятеля. Вступительная статья и комментарии содержат описание обстоятельств их личного знакомства в Берлине (сентябрь 1923 г.) и реконструкцию истории взаимоотношений, отчасти зафиксированных в переписке. Публикатор рассматривает критическую рецепцию Лежнева как способ «адаптации» творческой личности Ремизова к новой литературной ситуации советской России, а также раскрывает мотивы литературного поведения Ремизова в контактах с редактором и критиком. Заключительный эпизод переписки освещает подробности первых дней высылки Лежнева за границу в 1926 г.

Ключевые слова: сменовеховство, русская эмиграция, литературная репутация, идеология, литературное поведение, А. М. Ремизов, И. Г. Лежнев, архивные источники.

Abstract: The publication of epistolary documents from A. M. Remizov's archive (Amherst College Center for Russian Culture. USA) reveals unknown episodes of biography of both correspondents — the writer who shared the fate of Russian emigrants since autumn 1921, and the editor of the first «non-party» magazine «New Russia» («Russia»; 1922—1926), ideologue of National-Bolshevik, later a well-known party figure. The introduce and commentaries describes the circumstances of their acquaintance in Berlin (September 1923) and restores the history of the relationship which recorded in the correspondence partly. The author of publication considers the Lezhnev's literary criticism as a way of «adaptation» of the Remisov's creative personality to the new literary situation of Soviet Russia, as well as reveals the motives of Remisov's literary behavior in contacts with the editor and critic. The final episode of correspondence detects some details of the first days Lezhnev's forcible expulsion abroad in 1926.

Keywords: smenovekhovstvo, Russian emigration, literary reputation, ideology, literary behavior, A. M. Remizov, I. G. Lezhnev, archival sources.

Письма И. Г. Лежнева за 1924—1926 гг. сохранились в личном архиве А. М. Ремизова (Amherst College Center for Russian Culture. USA) среди материалов самодельного конверта с надписью «Русские письма» на обложке. Здесь были собраны наиболее важные эпистолярные свидетельства контактов писателя-эмигранта с представителями новой советской литературы¹.

Публикация этих документов раскрывает неизвестный ранее сюжет из жизни корреспондентов и представляет собой любопытный материал для изучения истории советской литературы первой половины 1920-х гг., формировавшейся еще при воздействии различных идеологических векторов, в частности и таких, как национал-большевизм. Участие Ремизова в этой политической и идеологической программе носило опосредованный характер и ко времени, когда в Берлине по издательским делам оказался редактор журнала «Новая Россия» («Россия»), утратило какие-либо коннотации².

Личность Исая Григорьевича Лежнева (наст. имя и фам. Исаак Альшуллер; 1891—1955) и история его «трансмутации» из просвещенного идеолога национал-большевизма в верного сталинского сподвижника достаточно подробно освещена в исследовательской литературе. Однако однозначного ответа на вопрос, был ли Лежнев в качестве редактора своего журнала непосредственным исполнителем задания партийного руководства, озабоченного созданием отлаженного механизма для манипуляций творческой интеллигенцией как в России, так и за рубежом, по-прежнему нет. Как известно, Ленин, ознакомившись с публицистикой Лежнева в 1922 г., выделил его в ряду лидеров литературного «фронта» как человека, который «всегда будет коварнейшим»³, подразумевая меньшевистское прошлое редактора, что и оправдалось деятельностью Лежнева уже при Сталине⁴.

Начало инициированного Лежневым «первого беспартийного» общественно-литературного и научного журнала, озаглавленного им «Новая Россия», относится к марту 1922 г. С первого печатного выступления на страницах своего издания редактор демонстрировал независимость и от зарубежного сменовеховства, и от официальной идеологии рабоче-крестьянского государства, пре-

¹ Подробнее см. в статье: *Обатнина Е. Р.* «Россия в письменах» // Литературный архив советской эпохи: сб. ст. и публ. / отв. ред.-сост. Н. А. Прозорова. СПб.: Росток, 2018. [Кн. 1]. С. 11—47 (далее: *ЛАСЭ*. [Кн. 1]).

² Подробнее о сменовеховском контексте в творческой биографии Ремизова см.: *Обатнина Е. Р.* Писатель на «фоне» сменовеховства: Ремизов и Пришвин // *Словесность и история*. 2020. № 3. С. 91—111.

³ *Ленин В. И.* Неизвестные документы, 1891—1922. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 545.

⁴ Об этом см., в частности: *Дмитриев А.* Большевики, интеллигенты и российская самобытность: к истории сменовеховских диагнозов // *Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия* / под ред. Э. А. Паина. М.: Три квадрата, 2010. С. 85—87.

тендуя на создание новой платформы, в которой ведущая роль отводилась интеллигенции.

Наша группа, на идейном знамени своем написавшая «Новая Россия», — заявил он в передовой статье, — не ставит себе никаких конкретно-служебных злободневных политических целей и задач, тем более, ограниченных пределами филантропического врачевания эмигрантских душ или наставления кого-либо «на путь истинный». Мы стремимся ответить духовному запросу современной российской интеллигенции, облегчить ее мучительные искания новых путей, обрести вместе с нею новую идеологию, революционную по своему творческому духу и социально-этическому устремлению⁵.

Отметим, что в обстановке резкой дискриминации «старой» литературной традиции сменовеховская идея Лежнева не являлась догмой для авторов, сотрудничавших в журнале, но сама программа нового издательского проекта не могла не привлечь внимания представителей дореволюционной формации, отесненных после Октября на периферию литературной жизни⁶.

Ремизов, пристально наблюдавший за литературной ситуацией Петрограда и Москвы из Берлина, очевидно, был в курсе появления нового журнала. Если посмотреть его глазами на содержание уже второго (майского) номера за 1922 г., то нельзя было бы не порадоваться, что журнал допустил к печати «маргиналов» советской литературы: здесь публиковались и проза такого явного оппозиционера новой власти, как М. Кузмин, и очерк еще недавно прятанного от политики в деревенской глуши М. Пришвина, и поэзия Вл. Ходасевича, только что отправившегося в Берлин.

Амбиции Лежнева были замечены твердыми борцами с контрреволюционным оппортунизмом. Именно второй номер стал объектом жесткой партийной критики. Издание было прекращено решением Г. Е. Зиновьева, занимавшего с 1918 г. должность председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Причиной, главным образом, послужило нерегламентированное свободомыслие Лежнева, который провел в своей статье «Эмансипация Советов» поистине крамольную для государства, провозгласившего гегемонию пролетариата, идею о необходимости «завоевания» Советов интеллигенцией. Но здесь неожиданно вмешалось высшее партийное руководство, очевидно имевшее виды на проект «Новая Россия». Вопреки мнению местных управленцев, вместо окончательного запрета журнала, вдруг было разрешено перевыпустить

⁵ *Лежнев И.* «Смена вех» // Новая Россия. 1922. № 1. С. 64.

⁶ Согласимся с мнением, высказанным также и по поводу публицистического содержания «Новой России», о том, что журнал Лежнева не транслировал взгляды привлеченной к сотрудничеству в журнале творческой интеллигенции, поэтому: «Реконструировать взгляды нэповской интеллигенции, <...> систему мотиваций и оценок правящей власти, опираясь на <...> авторов лежневского журнала, было бы сегодня опрометчиво» (*Дмитриев А.* Большевики, интеллигенты и российская самобытность: к истории сменовеховских диагнозов. С. 84).

второй номер с заменой запрещенной статьи главного редактора на его же очерк «Дни нашей жизни». А далее, при поддержке Ленина⁷, уже в августе лежневское издание, теперь именуемое «Россия»⁸, и вовсе получило новую жизнь с явным предоставлением редактору завидной по тем временам свободы действий. На обложке появились и двойные выходные данные (Москва—Петроград), что, несомненно, являлось сигнатурой столичного покровительства, и самое главное (для писательского круга) — список потенциальных сотрудников значительно расширился⁹. Расцвет журнала пришелся на 1924—1925 гг., когда на его страницах публиковался роман М. Булгакова «Белая гвардия». В 1925 г. с помпой был отпразднован пятилетний юбилей журнала. На следующий год Лежнев даже вернул своему проекту изначальное имя — «Новая Россия», но при этом сократил объем литературных публикаций. Издание закончило существование после третьего номера за 1926 г. также внезапно, как и возникло — волею ЦК ВКП(б). Главный редактор подвергся аресту и высылке за границу, а образованное им к тому времени издательство «Новая Россия» после тщательного обыска было уничтожено навсегда¹⁰. Знакомство Ремизова с редактором запрещенного журнала произошло задолго до этих событий.

⁷ См.: Письмо Ленина Ф. Э. Дзержинскому от 19 мая 1922 г. с сомнением о правильности решения Петроградского исполкома о закрытии журнала. 26 мая ЦК ВКП(б) постановил разрешить дальнейшее издание «Новой России» (см.: В. И. Ленин и ВЧК: сб. документов / под ред. Л. М. Сурис. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. Ч. 2: 1920—1922 гг. С. 381—382).

⁸ Название «Новая Россия» в русском зарубежье с 1922 г. стало распространенным для периодических изданий сменовеховского толка. В частности, в Софии в 1922—1923 гг. выходила одноименная газета. По всей вероятности, название лежневского журнала было изменено не только в связи с перезапуском издания, но и ввиду возможных ассоциаций как с софийской газетой, так и с газетой, издававшейся в 1920 г. в Вене, организаторы которой в программной статье были прямыми оппонентами сменовеховства и призывали к объединению с любыми силами, готовыми к борьбе с большевизмом. Подробнее об этих изданиях см.: *Кудрявцев В. Б.* Периодические и неперидические коллективные издания русского зарубежья. 1918—1941: в 2 ч. М.: Русский путь, 2011. Ч. 1. С. 529—530).

⁹ Среди авторов нового журнала появились литературные имена «попутчиков» разных поколений: Мих. Кузмин, М. Пришвин, Вл. Ленский, Б. Пастернак, О. Мандельштам, О. Форш, Вл. Ходасевич, М. Шагинян, а также писатели нового поколения Вл. Лидин, Б. Пильняк, «серапионы» М. Зощенко, Н. Никитин, Всев. Иванов, Ник. Тихонов, К. Федин, Л. Лунц. Ср. также описание содержания журнала 1926 г. глазами современника: *Ермолинский С.* О времени, о Булгакове и о себе. М.: Аграф, 2002. С. 56—59.

¹⁰ См. также исследования и публикации, освещающие историю издания и роль Лежнева в сменовеховском движении: *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris: YMCA-PRESS, 1980. С. 116—122; 133—135; *Квакин А.* Между белыми и красными: Русская интеллигенция 1920;1930 годов в поисках «Третьего Пути». М.: Центрополиграф, 2006. С. 61—78; *Дмитриев А.* Большевики, интеллигенты и российская самобытность: к истории сменовеховских диагнозов. С. 78—89.

1

Осенью 1923 г. Лежнев как частный издатель прибыл в Берлин с проектом обновления формата своего журнала «Россия». Новый замысел редактора был уже известен некоторым московским писателям и, очевидно, способствовал возникновению некой иллюзорной перспективы свободного от партийного контроля литературного творчества¹¹. В качестве гарантии доверия, необходимой для контактов с эмигрантским миром, Лежнев мог предъявить эмигрантскому кругу литераторов обширную и богатую на имена библиографию произведений, напечатанных в его журнале, авторами которых были в равной степени как литераторы дореволюционной формации, так и поколение литературной молодежи, считавшей себя учениками старой школы. К этому времени у него печатались, помимо упомянутых Кузмина, Пришвина и Ходасевича, «попутчики» Е. Замятин, М. Булгаков, писатели группы «Серрапионовы братья», Б. Пильняк, Н. Павлович, С. Сергеев-Ценский, близкий сменовеховству В. Лидин, «возвращенцы» Толстой и Соколов-Микитов, эмигранты И. Шмелев, И. Эренбург и... А. Ремизов.

Когда 14 сентября советский идеолог национал-большевизма письмом изъявил свое желание познакомиться с писателем лично, тот уже готовился к переезду в Париж¹², однако московского гостя в свои планы не посвящал. Поводом для визита послужил факт публикации на страницах «России» автобиографии под названием «Алексей Ремизов о себе», состоявшейся в февральском номере (№ 6) за 1923 г. Уже весной имя писателя как потенциального автора стало мелькать в анонсах журнала.

История этого «заочного» сотрудничества, уже затронутая нами ранее¹³, требует более пристального внимания. Первоначально автобиография была написана по заказу Вл. Лидина, командированного в конце 1922 г. из Москвы в Берлин с заданием журнала «Паруса»¹⁴, во втором номере которого планировалась к печати коллекция автобиографий современных писателей Москвы и русского зарубежья. Согласие Ремизова на такую публикацию, несомненно, отвечало его желанию не терять связей с литературным процессом Москвы

¹¹ Как писал в частном письме М. Булгаков, «Лежнёв начинает толстый ежемесячник “Россия” при участии наших и заграничных. Сейчас он в Берлине, вербует. По-видимому, Лежнёву предстоит громадная издательско-редакторская будущность. Печататься “Россия” будет в Берлине». Цит. по: М. А. Булгаков. Письма: жизнеописание в документах / сост. и коммент. В. И. Лосева, В. В. Петелина; вступ. ст. В. В. Петелина. М.: Современник, 1989. С. 88.

¹² Обстоятельства биографии писателя раскрыты нами в статье: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: «...или в Россию, или в Париж...» 1923 г. // Литературный факт. 2109. № 11. С. 8—35.

¹³ О специфических особенностях биографии Ремизова в «Новой России» см.: Там же. С. 22—25.

¹⁴ Журнал «Паруса» начат изданием в 1922 г. под ред. Н. С. Ашукина, участника аполитичного литературного объединения «Веретено» (вышел один номер).

и Петрограда. 11 декабря 1922 г. Лидин, только что вернувшийся в Россию, уже отчитывался перед Ремизовым: «К биографии Вашей я написал несколько слов перед и после текста Вашего, как Вы хотели, печатается она во 2-м № Парусов»¹⁵. Однако за короткий промежуток между декабрем 1922 и началом 1923 г. обстоятельства выхода журнала кардинально изменились. Второй номер «Парусов» так и не появился в печати. Тогда, надо полагать, Лидин, связанный обязательствами перед Ремизовым, а также будучи сотрудником журнала «Россия», и передал ремизовский очерк Лежневу. Следов переговоров об этой незапланированной публикации в архиве Ремизова не обнаружено. В письме Лидина от 6 апреля 1923 г. находим лишь констатацию свершившегося с акцентированной характеристикой лежневского издания: «Посылаю Вам вырезку из “России” с Вашей биографией. Я написал пару слов перед и после текста, но редакция напечатала без них. Гонорар (100 миллионов) я или пришлю Вам, или Вам заплатят в Берлине, переведя марки. “Россия” платит нищенски, но это *единственный такого рода журнал* <курсив мой.— Е. О.>»¹⁶.

По-видимому, И. Лежнев всеми силами старался придать своему проекту особый колорит, который бы вызывал ассоциации с эмигрантской прессой в Берлине, в особенности с таким авторитетным изданием, как «Новая русская книга» А. Яценко, предоставлявшим информацию о жизни и творчестве русских писателей (независимо от их местоположения)¹⁷. Не случайно Лежнев забрал у Лидина не только приготовленную для «Парусов» ремизовскую автобиографию, но и небольшой ремизовский «кунштюк». В соответствующей рубрике того же шестого номера «России», между сообщениями о творческих успехах эмигранта Андрея Белого (о подготовке к печати воспоминаний о А. Блоке для журнала «Эпопея») и Е. Замятина (об издании романа «Мы»), появилось сообщение заведомо ложного содержания: «Алексей Ремизов написал новую большую повесть “Тараканий мор”. Повесть появится одновременно на русском языке в Берлине и на французском, в переводе Фишберга»¹⁸, в из-

¹⁵ Amherst College Center for Russian Culture, USA. Series 1. B. 1. F. 9. (далее: Amherst, с указанием архивного шифра).

¹⁶ Amherst. Series 1. B. 1. F. 9. Здесь же Лидин сообщил о тяжелых потрясениях в личной жизни, которые, возможно, стали причиной срыва творческих планов с журналом «Паруса»: «У меня большое, тяжкое горе — умерла моя жена <...>» (Там же). В сентябре ремизовская автобиография, дополненная фотографией писателя и двумя публикациями его произведений (фрагментом из романа «Ров львиный» и сказки «Ё»), была повторно опубликована уже в сборнике, собранном и отредактированном самим Лидиным в сборнике также сменовеховского направления «Литературная Россия» (изд-во «Новые вехи»).

¹⁷ Задача главного редактора «Русской книги» («Новой русской книги») состояла в создании умозрительного единства русской культуры. См. статью «А. С. Яценко и его журналы в литературной и общественной жизни русского Берлина» в кн.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921—1923: по материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-PRESS, [1983]. С. 7—67.

¹⁸ Фишберг — вымышленное лицо.

дательстве Dellion Errio fils»¹⁹. Так Ремизов, сам того не зная, приобщился к московскому сменовеховству. В силу этого обстоятельства писателю было не избежать общения с редактором журнала, опубликовавшим его истинные и «подложные» автобиографические материалы.

Возможно, состоялось две встречи. Во всяком случае, при отъезде 28 сентября Лежнев приготовил на прощанье почтовую карточку с собственным силуэтным портретом, судя по надписи фрактурой — «Postkarte», отпечатанную в Германии не иначе как специально для запланированных визитов к русским берлинцам. На обороте он оставил лаконичную, не без модальности должностования, надпись: «Алексею Михайловичу Ремизову, чтобы помнил»²⁰. В качестве литературного трофея Лежнев вывез из Берлина рукопись «Ушен: сказ шакалий кабийский». Навряд ли для Ремизова выбор этой сказки отвечал его истинным желаниям: в это время он тщетно пытался найти в России издателя для романа «Ров львиный» (другие названия «Канава», «Плачужная канава»). Экземпляр машинописи был передан Ремизовым М. Шкапской, возвращавшейся из берлинской командировки в Москву, очевидно, для Лежнева, намеревавшегося весной 1923 г. опубликовать главу из романа²¹. Новый формат лежневского журнала, запускавшийся в производство осенью, как раз годился для больших произведений в Приложении. Однако, соразмеряя свои редакционные планы с внутренней политикой, Лежнев понимал, что отдать Приложение под роман Ремизова, который как в ГПУ, так и среди пролеткультовцев считался «белоэмигрантом», было опаснее для репутации журнала, чем поместить роман, например, Эренбурга²², который как раз недавно был выдворен из Парижа за коммунистическую пропаганду²³. Поскольку об отношении Ремизова к со-

¹⁹ Литературная хроника // Россия. 1923. № 6. С. 32. Ср. письмо Лидина Ремизову от 11 декабря, в котором, очевидно имея в виду свое обещание опубликовать в советской печати «газетную утку» ремизовского сочинения, он написал: «Да, Алексей Ремизов написал новую большую повесть “Тараканий мор”, выходит одновременно на русском и на французском в издательстве> Dellion Errio fils, — об этом прочтете в “Парусах”» (Amherst. Series 1. B. 1. F. 9). Подобную «псевдохронику» писатель успешно практиковал в 1922 г. на страницах такого органа «русской демократической мысли», как берлинская газета «Голос России».

²⁰ Amherst. Series 1. B. 1. F. 9.

²¹ См. историю публикации романа: *Ремизов А. М.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 2001. Т. 4: Плачужная канава. С. 528. О судьбе романа в советских изданиях см. также: *Обатнина Е. Р.* «Россия в письменах»... С. 41.

²² Роман Эренбурга «Любовь Жанны Ней» был опубликован в Приложении к журналу в 1924 г.

²³ История выдворения за пределы Франции молодого писателя и журналиста, приехавшего из России в Париж по разрешению советского правительства с целью «художественной командировки», впервые в метафорической форме была описана самим Эренбургом в книге «А все-таки она вертится»: «Французское правительство, как нежнейшая мимоза, не выносит мельчайшего дуновения восточного ветерка» (*Эренбург И.* А все-таки она вертится. М.; Берлин: Геликон, 1922. С. 50).

ветскому сменовеховцу мы можем судить лишь по косвенным источникам, возникает соблазн прочесть содержание сказки «Ушен» в контексте этого биографического и историко-литературного сюжета 1923 года как энигматическое произведение, скрывающее если не истину, то некоторый «угол зрения» Ремизова. Повторимся: перед писателем в 1923 г. стоял важный вопрос: возьмутся ли в России печатать его книги «Кукха. Розановы письма» и «Ров львиный». Тестирование диапазона возможностей периодики, подконтрольной советской власти, на примере лежневского издания могло продемонстрировать уровень творческой свободы, на который он мог рассчитывать при большевиках. Ни в одном из издательств Москвы и Петрограда эти произведения не прошли цензуры, за небольшим исключением, когда Лидин в своем сборнике поместил фрагмент романа в качестве приложения к републикации автобиографии «Алексей Ремизов о себе»²⁴. Не добившись желаемого, Ремизов дважды предлагал для печати сказки, в которых прочитывается откровенная проекция психологии партийных руководителей на представителей сказочного животного мира. В первом случае, Лидин в сборнике «Литературная Россия» получил также для публикации многократно перепечатанную сказку 1917 г. «Заячий указ» под новым названием «Ё: Тибетский сказ (из книги)»²⁵, а Лежнев — новую, «кабильскую» — «Ушен». Главные персонажи обеих сказок суть типажи гегемонии пролетариата. Герой сюжета сказки — хитрый и очень коварный (вспомним характеристику, данную Лежневу Лениным) шакал Ушен, умело использующий доверчивость своих жертв. В стае все шакалы — «товарищи», но дружеское взаимопонимание Ушен нашел с прирученной в домашнем хозяйстве птичкой «невысокого полета» — курочкой-«рябкой» — «на красных ножках — глаза как небесная голубь», образ которой напоминает иных представителей интеллигенции, ставших партийной номенклатурой. В сказке Ремизов спародировал систему круговой поруки между партийцами. Потеряв хвост при очередном разбое, шакал, спасаясь от расправы, решил затеряться среди своих сородичей, также лишив их хвостов. Для этого он придумал хитроумный план:

И пришло бесхвостому на ум угостить хвостатых фигой.

Вот и скликал он шакалов под дерево на даровое угощение.

— Товарищи, посадите меня на дерево, и я вам стрясу — всем будет по фиге.

— Не согласны, — заорали шакалы, — мы сами полезем на дерево.

— Никак невозможно: первое дело — ветки не выдержат, а кроме того — подыметя спор из-за местов, откуда кому фиги рвать <...>

— Правильно.

О причинах выдворения см.: *Янгиров Р.* Юрий Анненков и Илья Эренбург: биографии и репутации // In memoriam: сб. памяти Владимира Аллоя. СПб.; Париж: Феникс; Atheneum, 2005. С. 307—313.

²⁴ Литературная Россия: сб. современной русской прозы. М.: Новые вехи, 1924. Вып. 1. С. 27—35.

²⁵ Там же. С. 35.

— Правильней всего будет так: я всех привяжу хвостами к стволу и у всякого под носом будет свободное местечко — в любой момент всякий может подхватить фигу²⁶.

В результате обмана Ушена все шакалы остались без хвостов.

2

Без всякого сомнения, при личной встрече и в дальнейшей переписке Лежнев стремился произвести на Ремизова благоприятное впечатление, так же как, например, на Андрея Белого, который отзывался о нем, как об «умном *деловом* человеке»²⁷. Несомненно, уговаривая Ремизова стать участником его журнала, редактор «России» подчеркивал внепартийный характер издания, существующий вне идеологий²⁸. Хорошо ориентируясь в дореволюционной литературной ситуации, Лежнев мог расположить к себе писателя и глубоким пониманием трудов Л. Шестова и В. В. Розанова, прекрасно зная о его дружеских отношениях с двумя выдающимися философами, тем более что оба в свое время оказали влияние на его мировоззрение²⁹. Личные впечатления о Ремизове, вынесенные из берлинских встреч, он вскоре выскажет в статье «Где же новая литература?». Статья, несомненно, представляла собой контрверсию книги Л. Троцкого «Литература и революция» (1923). В отличие от вождя пролетариата, Лежнев, претендуя на роль идеолога новой интеллигенции, хотя и признавал ценность художественных произведений, созданных «в свете» революции, в характеристике творчества Ремизова руководствовался в основном эстетическими, нежели политическими критериями. По объективным признакам он не мог не признать, что с точки зрения победившей идеологии ремизовский талант для художественного воплощения революционной эпохи абсо-

²⁶ Россия. 1924. № 2. С. 71.

²⁷ Андрей Белый и Иванов-Разумник: переписка / публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 316; письмо 1925 г. Ср. также характеристику журнала «Россия» в письме М. Горькому от 8 апреля 1924 г.: «...журнал обещает быть хорошим; и, по-видимому, устойчивым; направление его складывается; думается мне, что оно — вполне приличное; я, вероятно, буду там принимать постоянное деятельное участие...» (*Крюкова А. М. Горький и Андрей Белый: из истории творческих отношений // Андрей Белый: проблемы творчества: статьи, воспоминания, публикации / сост. Ст. Лесневского, Ал. Михайлова. М.: Сов. писатель, 1988. С. 300*).

²⁸ Тактику Лежнева распознал его оппонент Л. Троцкий, охарактеризовав ее как «вкрадчивое сменевеховство». См.: *Троцкий Л. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. С. 88—91*.

²⁹ О влиянии на мировоззрение Лежнева адогматизма Л. Шестова см.: *Агурский М. Идеология национал-большевизма. С. 117—119*.

лютно бесполезен. В его интерпретации Ремизов — литературный «собрат» Розанова. Оба они в 1917 г. проявили себя как явные оппозиционеры большевиков, для которых неприкосновенность и ценность частной жизни индивидуума погибли под обломками старого мира:

Что до Ремизова, то он, действительно, близок Розанову. Оба они в основе — апокалипсические обыватели. Никакого внутреннего переживания революции я в Ремизове не ощутил, никакого обсеменения революцией. Он не «вперед» и не «назад». Он все на прежнем месте, где они с Розановым турецкий чай пили, а жизнь ушла...³⁰

Вместе с тем, надеясь на возвращение писателя в Россию, критик явно старался зачислить Ремизова в реликтовый вид литераторов-археологов, в целом безобидный для новой идеологии. Характеризуя творчество Ремизова в категориях «свой / чужой», он взялся расширить границы аксиологии Троцкого, который руководствовался исключительно большевистской прагматикой, когда заявлял, например, об авторе поэмы «Двенадцать»: «Конечно, Блок не наш»³¹. Лежнев, напротив, отказав писателю-эмигранту в понимании революции, с уверенностью утверждал: «Ремизов по роду творчества — совсем особый, свой»³². Его рассуждения отличаются пронизательностью, позволившей убедиться, что отношения этого писателя с Россией не зависят от смены политического строя, поскольку «ему некуда и незачем уходить»³³. Мысль критика состояла в том, что сама по себе «книжность» Ремизова, далекая от реальности, его углубленность в природу русского языка заменяют ему, в сущности, чувство родины:

Он — знахарь словесности, он — шептун; ему — наговорная вода и обезьянье царство, ставшее второй натурой. Ему сиднем сидеть в лаборатории, ибо он писатель для писателя (читателю здесь делать нечего). Он — лаборант искусства, заготавливающий разное для разных. Расставлены полочки. На полочках скляночки, и разные в них настои. Каждому писателю малая толика того или иного пригодится. Живой Даль — он каждому полезен, каждого обсеменит, чем ему самому обсеменяться?³⁴

После встречи в Берлине общение между Ремизовым и Лежневым продолжилось. Судя по письмам, в 1924 г. редактор «России» наметил к выполнению две задачи: добиться публикации новой рукописи писателя и ускорить его возвращение на родину, что, как мы знаем, гипотетически не исключал и сам Ре-

³⁰ *Лежнев И.* Где же новая литература? // *Россия*. 1924. № 1. С. 194. Характерно, что мнение Лежнева было выражено при помощи «скифской» метафоры, описывающей революционную стихию как «семенной» вихрь (см. манифест группы: «“Скифы” (Вместо предисловия)» // *Скифы*. Пг., 1917. Сб. 1. С. VII—XII).

³¹ *Троцкий Л.* Литература и революция. С. 102.

³² *Лежнев И.* Где же новая литература? С. 194.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 194—195.

мизов. Возможно, для последней цели даже был подключен тайный сотрудник журнала «Россия» Адольф Григорьевич Меньшой (наст. фамилия Гай; 1893 — начало 1938). Как член ВКП(б), входящий в кабинеты правительственного аппарата и состоявший на дипломатической службе в НКВДе, он, печатаясь у Лежнева, тщательно скрывал свое настоящее имя под псевдонимами, предпочитая не афишировать связи с частным изданием, проводящим сменовеховскую идеологию, которая, по мнению многих в ЦК, была опасным оппортунизмом периода НЭПа. Только благодаря письмам Лежнева из ремизовского «Русского альбома», обнаружилось, что Гай-Меньшой не только вошел в круг берлинских знакомых писателя, но и, покидая германскую столицу в октябре 1923 г., получил из канцелярии верховного правителя всех обезьян царя Асыки Первого особое поручение и «мандат» на право оформления советской визы для «канцеляриста» Обезьяньей Великой и Вольной палаты³⁵. Сам документ, конечно, представлял собой шуточный сувенир, в то время как миссия нового «посла» Обезвеволпала имела под собой вполне реалистические основания, поскольку новообращенный «обезьяний кавалер» направлялся в Москву для службы в секретариате Наркоминдела. История умалчивает, была ли в том заслуга Гай-Меньшого, но уже 29 октября 1923 г. Ремизов получил у Полномочного Представителя РСФСР в Германии советскую визу сроком ровно на год (до 29 октября 1924 г.). Другое дело, что возвращаться на родину писатель уже не собирался, поскольку еще в августе принял решение остаться за границей и переехать в Париж³⁶.

По-видимому, Ремизову удалось внушить Лежневу образ отрешенного от реальной жизни «писателя-затворника», если его московский корреспондент искренне думал, что созданная им в письме от 3 ноября идиллическая картина жизни советского литератора может прозвучать правдивее, чем реалии литературного быта, воссозданные, например, в очерке Пришвина «Сопка Маира», который Ремизов прочел в газете «Накануне»³⁷. На протяжении двух последующих лет писатель тщательно анализировал информацию, почерпнутую в советских и эмигрантских газетах, вчитывался в письма его корреспондентов из литературной среды новой России³⁸, чтобы ответить на главный волновавший его вопрос, совместима ли «воля народная», осуществляемая властью большевиков, со свободой творческого сознания, сохраняющего независимость от идеологических установок. Трезвый взгляд на советскую действительность и роль литературной номенклатуры в творческом процессе не только кардинально изменил его и без того неоднозначное отношение к новой власти в России, но и планы на возвращение.

³⁵ Подробнее см. коммент. к п. 2 на с. 464 наст. изд.

³⁶ Подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: «...или в Россию, или в Париж...». 1923 г. С. 8—36.

³⁷ *Накануне*. 1923. 29 мая. № 344. С. 2—3. См. также: *Обатнина Е. Р.* Писатель на фоне сменовеховства: Ремизов и Пришвин.

³⁸ Подробнее об этом: *Обатнина Е. Р.* «Россия в письменах»... С. 11—47.

К лету 1924 г. относятся редкие среди архивных материалов Ремизова подтверждения его постоянной рефлексии, связанной с современной русской жизнью. Сохранилось три письма к жене, в которых запечатлелись и эмоции, вызванные эмиграцией, и тревожные оценки неприкрашенных признаков советского бытия. 17 июля писатель конспективно обрисовал «горящий клубок мыслей»:

- 1) весной скучал о Германии;
 - 2) как от молитвы бес, оттолкновение от здешних;
 - 3) и возмущение марксистско-материалистскими указаниями;
 - 4) вся душа за расплату;
 - 5) тупые машинные плямки!
- <...>

Ах, деточка, у меня — горящий клубок мыслей, молчаливых.

И мне хочется все высказать.

Ну для примера:

1) один «покорный» — все принять, все вынести, как судьбою положенное;

2) ничего не приму, потому что не могу ничему подчиняться назло буду наоборот.

пальцем не пошевельну

3) отказался от академического пайка — —

потому что жена хороший получает. Честь-то какая! «Могу гордо и с правом обо всем говорить!» — это потом.

Понимаешь ты, как все крутится. Вот еще богатых не люблю. А будут всегда.

Духом-то, кто живет и можно ли жить на земле, нельзя доложить.

А кто хочет (я хочу) — только чудом поддержит «как-нибудь прожить»³⁹.

19 июля тема была продолжена:

А. Толстой в загоне не от писателей, которые в конце концов простили, а от партийных: называют «Лакеем».

Может, потому и простили, что очень уж травят.

В загоне и А. Белый. Но он — в антропософии. Про Книпович он ничего не знает. Все в унынии. Грубость повсюду. И доносы⁴⁰.

Наконец, на следующий день Ремизов представил анализ периодической печати и пересказал впечатления побывавшего в Советах И. Эренбурга:

В газетах сегодня одно интересно: из России.

Телеграмма какого-то треста другому, который потребовал уплаты в срок денег:

«Не шуми. Делов много. Заплатим завтра».

Хорошо?

<...>

Потом о балтморах было интересно: с коммунистическими значками венчались в церкви, поп наложил на них короны (это все из «Правды»).

А из другого места сообщают:

³⁹ Ремизов А. М. «На вечерней заре»: главы из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло, 1924 г. / коммент. Е. Р. Обатниной; подгот. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 14. С. 83—84.

⁴⁰ Там же. С. 87.

В селе попа выгнали из дому, а церковь битком набита народу.

Эренбург рассказывал, что ему кричали на лекции: говори внятно, что у тебя вместо рта ж..а? И это не потому, чтобы хотели грубо, а просто: что ж тут особенного «ж..а»?

Деточка, ты чувствуешь, что происходит.

Я тебе еще много расскажу чудного и чуждого.

Жадность к учению необыкновенная, а одолеть сразу не могут: много в сумасшедшем доме и много самоубийств на этой почве⁴¹.

3

Письма Ремизова в архиве Лежнева сохраниться не могли ввиду резких кульбитов его судьбы. Исходя из эпистолярия московского адресата и содержания журнала «Россия» («Новая Россия»), можно сказать, что писатель, поддерживая контакт с «прогрессивным» издателем, литературного сотрудничества с ним избегал. Еще летом 1924 г. он отправил в подарок Лежневу свою новую книгу «Звенигород окликанный», а в декабре (после шуточного обвинения редактора в «саботаже» его журнала), их переписка, казалось бы, угасла навсегда.

Обезьяний «мандат» Гая-Меньшого, так же как ремизовские письма и экземпляр сборника «Звенигород окликанный», по всей вероятности украшенный какой-нибудь витиеватой дарственной надписью с посвящением Лежневу, бесследно исчезли из личных архивов владельцев при разных обстоятельствах, но, несомненно, в результате одной причины, связанной с громкой кампанией, положившей конец журналу, «под занавес» вернувшему себе первоначальное название «Новая Россия». Неожиданная смена политической тактики партийного руководства, объявившего борьбу с контрреволюционной деятельностью сменовеховства внутри страны, обрекла Лежнева на положение высланного за границу идеологического диверсанта⁴².

Истинные мотивы действий депортированного редактора, предпринятые сразу после его выдворения из страны в конце мая 1926 г., так и остаются неразгаданными. Сохранившиеся эпистолярные документы обнаруживают хронике поспешных поступков Лежнева, не по своей воле оказавшегося в Эстонии, в курортном городке Хаапсалу. Его первым шагом было письменное обращение в советское посольство в Париже⁴³. Однако, не дожидаясь ответа, он обдумывает возможности для ассимиляции во французских литературных

⁴¹ Там же. С. 90.

⁴² Подробнее см.: *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. С. 215—216;

⁴³ Как известно, Лежнев заблаговременно обеспокоился о своем гарантированном внедрении в советское посольство в Париже, воспользовавшись чистосердечием Б. Л. Пастернака. Об обстоятельствах этого эпистолярного контакта см также: *Громова Н.* Узел. Поэты. Дружбы. Разрывы: из литературного быта конца 20-х — 30-х годов. М.: Эллис Лак, 2006. С. 61—64.

кругах. Здесь выбор полезного адресата был невелик. В парижской диаспоре мало кто был готов к общению со сменовеховцем, тем более советского образца. Вполне естественно, что Лежнев вспомнил о своем недавнем корреспонденте Ремизове, которому тогда же, 1 июня, он направил письмо с просьбой организовать поддержку для получения вида на жительство во Францию. Спустя шесть дней, не дождавшись писем из Парижа, хаапсальский «ссылный» повторил описание своего бедственного положения на берегах «эстонской Аркадии» в письме к идеологу заграничного сменовеховства Н. И. Устрялову, жившему в Харбине, но занимавшему в это время положение советского госслужащего⁴⁴. По-видимому, обращаясь к Устрялову, Лежнев был уверен, что фарс с высылкой носит временный характер и скоро они с Устряловым будут приняты под покровительство «кремлевского горца». Что касается Ремизова, то, в расчетах Лежнева, писатель виделся связующим звеном для контактов с редколлекцией элитарного литературного журнала «La Nouvelle Revue Française». Намерения вынужденного «курортника» могли быть связаны с далеко идущими планами. Например, поэтика героя сказки «Ушен» не исключает вероятность некоего плана по компрометации Ремизова в глазах эмиграции, который в результате был бы поставлен в условия принудительного отъезда в Россию. Так что Лежнев, нацеливаясь на Париж, возможно, задумывал возвращение из ссылки с «заложником» — «живым Далем», как он назвал писателя в упомянутой выше статье.

О том, что принудительная высылка за границу была не более, чем инсценировкой расправы над «неудобным» редактором и всего лишь временной отставкой верного сталинского «товарища»⁴⁵, говорят обнаруженные исследователями детали пребывания Лежнева в Эстонии⁴⁶, а также строки его письма к Ремизову от 1 июня 1926 г. Так, не примирившись с навязанным ему ЦК положением диссидента, Лежнев подчеркивал, что «не лишен права» сотрудничать с советскими изданиями⁴⁷, «сливаться» же с эмигрантской прессой вообще не входило в его планы так же, как и «обращаться к иностранным консулам

⁴⁴ Устрялов занимал должность заведующего библиотекой Китайско-Восточной железной дороги. Ответное письмо Устрялова не сохранилось. Историю национал-большевистских дискуссий Лежнева с Устряловым см.: *Агурский М.* Переписка И. Лежнева и Н. Устрялова // *Slavica Hierosolymitana* / ed. L. Fleishman, O. Ronen, Dm. Segal. 1981. Vol. V/VI. С. 543–589.

⁴⁵ О покровительственном отношении Сталина к идеологическим взглядам Лежнева см.: *Агурский М.* Переписка И. Лежнева и Н. Устрялова. С. 546–550.

⁴⁶ *Белобровцева И. З.* Дачник поневоле: эстонский эпизод в жизни И. Г. Лежнева // *Топография культур: деятели русской культуры — дачники в Эстонии.* М.: Флинта; Наука, 2011. С. 83–88.

⁴⁷ В частности, см. рецензию Лежнева на первый номер журнала «Версты» (Париж. 1926), в котором имя Ремизова, опубликовавшего сразу два произведения (««Востину». Памяти В. В. Розанова: К 70-й годовщине со дня рожд. 3.5 / 20.4 1856 (†1919) — 1926»; «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное»), практически обойдено молчанием, возможно, оттого, что предметом критики была из-

за визой со слезницей на “злодеев-большевиков”»⁴⁸. Тактика ожидающего нового партийного призыва прочитывается и в «патриотическом» пассаже: «С живой Россией я рвать не хочу. А если дома и бывают побои, то родной дом, несмотря на побои, мне милее ласковой чужбины»⁴⁹.

Ремизов, находившийся под прессингом радикально настроенной к Советам части русской творческой диаспоры — за свое толерантное отношение к молодому литературному поколению и известные связи с московскими и петроградскими редакциями ведущих советских журналов⁵⁰, — оказать услугу своему знакомцу, рискуя собственной репутацией, явно не пожелал, но письмо Лежнева сыграло решающую роль в его судьбе. К тому же едва ли он испытывал какие-либо угрызения совести, оставив терпящего «бедствие» в Хаапсалу без ответа. Сдается, Ремизов даже был удовлетворен тем, что его архивная коллекция «русских писем» пополнилась историческими в своем роде документами, зафиксировавшими фантастическое перерождение думающего и даже авантюрного в своих поступках интеллигента в послушного гомункула советского строя.

Уже 26 октября 1926 г. Лежнев был зачислен внештатным экономистом берлинского торгпредства, где благополучно проработал по апрель 1929 г., пока ему не было разрешено подать заявление в ЦК о возвращении на родину. В этот период контактов с Ремизовым он больше не искал, а в заявлении ЦК, сам не помня того, что в июне 1926 г. просил писателя-эмигранта о помощи, рапортовал: «Предложения о работе в германской буржуазной и соцдемократической прессе, делавшиеся мне в последнее время, я отверг с той же решимости»

брана позиция инициаторов евразийского издания по отношению к эмиграции и Советской России (см.: Красная новь. 1926. № 12. С. 259—260).

⁴⁸ См. в письме Ремизову на с. 475. наст. изд.

⁴⁹ Ср. письмо Устрялову от 6 июня, в котором Лежнев занимает позицию смиренного сталинского вассала: «Журнал и издательство закрыты, а я постановлением особого совещания выслан из пределов СССР на три года. <...> Итак, на всем земном шаре, я имею право жительства только в Эстонии, в пределах самой Эстонии только в Гапсале. <...>. Сняли мы здесь комнату на набережной, сидим у моря (буквально) и ждем... визы хоть какой-нибудь, хоть куда-нибудь. Здесь, конечно, никакие заработки невозможны <...> что дальше будет, не знаем. Обращаться к иностранным консулам со слезницей на “злодеев-большевиков” не хочу. Написал нескольким знакомым в Париж, просил исхлопотать французскую визу. Если удастся — хорошо. Нет — не знаю, что будет. Может, поеду за границу, когда истечет срок моего права пребывания в Эстонии. А там пусть поступят со мной, как хотят. <...> В общем все это вышло довольно забавно: ссылка в сезон на иностранный курорт. <...> О казусе со мной очень прошу не рассказывать — разве что Пильняку можно. Появление заметки об этом в зарубежной печати — особенно русской было бы мне внутренне тягостно, да и практически вредно» (*Агурский М.* Переписка И. Лежнева и Н. Устрялова С. 588).

⁵⁰ О контактах Ремизова с советскими издательствами, сотрудничестве и планах см. подробнее: *Обатшина Е. Р.* «Россия в письменах»... С. 11—47.

тельностью, с какой по приезде за границу отвергнул участие и в русской эмигрантской печати»⁵¹.

Возвращаясь к началу советской биографии этого корреспондента Ремизова, признаем, что Ленин, назвав Лежнева «коварнейшим», не распознал в нем преданного партийца. Между тем, по отношению к сотрудникам «Новой России» («России»), редактор «первого беспартийного журнала» действительно полностью оправдал ленинскую характеристику: не только большинство из редколлегии и ближайших сотрудников журнала пали жертвами сталинских репрессий как участники сменовеховского движения, но и сам основоположник национал-большевистской идеологии Устрялов оказался в жерновах беспощадной авторитарной машины. Только Лежнев, подобно герою «кабильского» сказа, остался цел и невредим.

История ареста редактора «Новой России» в 1926 г. долгое время оставалась под спудом глубоко затаенных мыслей Ремизова, пока не посетила подсознание писателя в ночь с 14 на 15 сентября 1952 г. Бумеранг из прошлого прилетел с отсрочкой в 26 лет. Писатель вновь вернулся к тому заглушенному волей и обстоятельствами моменту, когда он принял окончательное решение, опрокинувшее все его надежды на возвращение в Россию. Сделанная на следующий день запись абсурдистского по сюжету сна, завершается мыслительной кодой всех минувших лет жизни в эмиграции: «...узнаю: <...> Лежнева арестовали. И я понимаю, мне ехать не следует»⁵².

Письма Лежнева Ремизову публикуются в соответствии с правилами современной пунктуации и орфографии по автографам, хранящимся в Amherst College Center for Russian Culture (USA): Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. Box 1. Folder 9.

⁵¹ Высылка и возвращение И. Лежнева // Политическая история русской эмиграции 1920—1940 гг.: документы и материалы / под ред. проф. А. Ф. Киселева // [Электронный ресурс] URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/emigration/emigration2.htm> (дата обращения: 30.09.2020).

⁵² Цит. по: *Ремизов А.* Дневник мыслей, 1943—1957 г. / отв. ред., автор вступ. ст. А. М. Грачева; подгот. текста А. М. Грачевой, Н. М. Коньчевой, Л. В. Хачатурян; коммент. А. М. Грачевой, Л. В. Хачатурян. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. Т. 1: Май 1943 — январь 1946. С. 19. Согласно конъектуре публикатора, на полях этой записи Ремизов добавил обстоятельства реальной жизни: «получил письмо» (Там же).

1

Берлин, 14 / IX <19>23

Многоуважаемый Алексей Михайлович!

Вам пишет редактор журнала «Россия» — Исая Григорьевич Лежнев. Наш журнал Вы, конечно, знаете: у нас был напечатан Ваш автобиографический очерк¹. Сейчас я приехал в Берлин в связи с реорганизацией журнала и переходом на «толстую» традиционную ежемесячную книжку². Очень хотелось бы повидать Вас, но, к сожалению, телефона у Вас нет, а врываться в Вашу квартиру до личного знакомства не хотелось. Мой адрес: Taudentzientst. 7a, Pension Hechenberger, telefon Steinplatz 85—46. Прошу позвонить мне завтра с утра. До 11 час<ов> буду дома. Условимся о встрече.

С искренним уважением,

И. Лежнев

¹ Речь идет о публикации автобиографии «Алексей Ремизов о себе» (Россия. 1923. № 6. С. 25—26). Подробнее историю публикации см. во вступ. статье на с. 449—451.

² По первоначальному плану Лежнев предполагал печатать свой частный журнал в Берлине. Однако, как он писал Н. В. Устрялову по возвращении из Германии, эта идея оказалась нежизнеспособной в связи с неустойчивостью валютного курса, поэтому было принято паллиативное решение издавать журнал в Москве, а печатать в Туле (см.: *Азурский М.* Переписка И. Лежнева и Н. Устрялова // *Slavica Hierosolymitana*. 1981. Vol. V/VI. С. 567). В 1922—1923 гг. общественно-литературный журнал «Россия» выходил два раза в месяц и был ограничен объемом каждого номера в 32 страницы. В середине марта 1924 г. вышел первый номер одноименного ежемесячного общественно-литературного журнала в расширенном формате (в среднем 214 страниц) с дополнительным приложением (в среднем 100 страниц), имевшим сквозную пагинацию. Журнал сохранил прежние рубрики, однако беллетристический отдел теперь был ориентирован на романы и повести, публиковавшиеся из номера в номер. Выходные данные периодического издания фактически оставались прежними с той лишь разницей, что после смерти Ленина Петроград был переименован в честь вождя пролетариата, поэтому на обложке журнала обозначено двойное место издания: Москва—Ленинград.

2

Москва, 3/XI <19>23

Многоуважаемый Алексей Михайлович!

Все поручения Ваши исполнены в точности. Все книги с надписями и в Москве, и в Петрограде переданы по назначению. Особый энтузиазм проявлял М. М. Пришвин, который, кажись, собирается писать Вам¹. Рукопись «Ушен» уже полностью у меня, переписана на машинке и сдана в цензуру. Боюсь, что в первую книжку журнала сказка не войдет², как это, впрочем, предполагалось и поначалу: большое столкновение материалов получилось. Приехал Гай³ и по-

рассказал про Вас очень приятно. Во исполнение врученного Вами ему «мандата» он начнет в Министерстве иностранных дел хлопотать о визе для вас⁴. Будем надеяться, что хлопоты окажутся для Вас успешными. Вот и Шкловский уже бегаёт по Москве⁵, даже квартиру себе нашел в Покровском-Стрешневке при музее «Усадьба»⁶. Приехал и Белый⁷, живет у Соловьева⁸, собирается на дачу, где-то за Воробьевыми горами. Из глуши Смоленской губернии припер Соколов-Микитов⁹. Он женился на бывш<ей> княжне Шаховской, бывшей машинистке изд-ва «Круг», и произвел сына¹⁰. Жена его гостит в Коломне (Никола-на-Посадьях!!!) у Вашего «подмастерья» Пильняка¹¹. Видите, как все стягивается к пупу земли — в Москву. Вот бы и Вам с Серафимой Павловной сюда пожаловать, да поскорее. Вот у нас еще новость. На текущей неделе (в среду, в 17 ч. 39 мин.) новый (очередной) Лев Толстой объявился:

— Исаак Бабель —

Все Лефы так и изрыкали¹². Написал он новую вещь из жизни и быта будён<н>овской армии. Называется она коротко:

— Конармия¹³.

У одного героя кишки наружу вывалились, и сердце наружу выперло, а он знай себе всё — не умирает да не умирает. А Исаак Бабель своими глазами видел, как это оголенное от грудной покрывки сердце билось¹⁴.

Впрочем, это все суета. Живем мы здесь по-хорошему, все <?>¹⁵ бобьями, так даже веселее. Приезжали бы, право, в Россию. В Германии, поди, совсем сейчас не весело. Когда триллион марок будет стоить алтын медью, пришлите мне одну штуку для коллекции¹⁶. Посылаю Вам № 6 журнала «Россия»¹⁷ и уж больше долгов за собой пока никаких не числю.

Живите хорошо! А что чай турецкий я у Вас плохо тогда пил, не гневайтесь. В Москве испую свою вину¹⁸.

С искренним уважением,

И. Лежнев.

¹ *Пришвин Михаил Михайлович* (1873—1954) сотрудничал в журнале Лежнева с 1922 г. См. его очерк «Письма из Батищева», републикованный дважды из-за закрытия журнала «Новая Россия» и возобновления его под новым названием «Россия» (Новая Россия. 1922. № 2; Россия. 1922. № 2), а также главу «Шкраб» из повести «Мирская чаша» (Россия. 1922. № 4). Ремизовы, связанные с Пришвиным дружескими отношениями с 1908 г. (подробнее см. во вступ. ст. к публикации: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / вступ. статья, подгот. текста и примеч. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 157—209), еще в 1922 г. пытались после отъезда за границу наладить контакты с Пришвиным. См. упоминание об этом в письме Пильняка, сообщавшего Ремизову две недели спустя по возвращении из Берлина о том, что, побывав в Союзе писателей в Москве 25 марта, передал посылку Пришвину: «...рассказывал о Берлинцах и делах берлинских (в Союзе как раз в этот вечер читал М. М. Пришвин <...> поклон от него нижайший Вам и Серафиме Павловне), чулки, шоколадки и мыло — сам не удосужился отнести и поручил барышне одной верной...» (*Пильняк Б. А.* Письма:

в 2 т. / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М.: ИМЛИ РАН, 2010. Т. 2. С. 421). См. также упоминание об участии Пришвина в «показательном вечере художественной прозы» в московском Союзе писателей, состоявшемся 23 марта 1923 г.: *Пришвин М. М. Дневники, 1923—1925* / подгот. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной. СПб.: Росток, 2009. С. 17). Именно благодаря письмам Пильняка, из которых Ремизов узнавал о событиях советского писательского мира, в берлинском «Голосе России» появилась заметка (без подписи), в которой реальные факты были смешаны с выдумкой, понятной только упомянутым лицам и самому автору. Ср.: «Мих. Мих. Пришвин — гость московский — читал перед Пасхой в Союзе Писателей свою новую повесть “Хабар-бар” <...>» (1922. 23 апр. № 948. С. 8). О киргизском происхождении названия мифической повести см.: *Пришвин М. Россия не погибнет* (из дневника) // Воля страны. 1918. 27 янв. № 11. С. 1; *Пришвин М. М. Дневники, 1914—1917* / подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; коммент. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. СПб.: Росток, 2007. С. 545—546, запись от 30 декабря, а также: *Ремизов А. М. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 259, глава «Именины»*). На страницах дневника Пришвина за 1923 г. сохранилось два неотправленных письма Ремизовым. Первое, продолжающее запись от 16 октября 1923 г., было ответом на письмо и посылку старых друзей, переданную еще через М. Шкапскую, вернувшуюся тогда из Берлина. См.: *Пришвин М. М. Дневники, 1923—1925. С. 56*. Здесь же Пришвин объяснял свое эпистолярное молчание: «Я не писал, потому что те, кого я любил в старой Руси, живут постоянно со мной, и писать им незачем...» (Там же). Эта же мысль прозвучала и в ответном письме на послание, переданное с Лежневым в ноябре: «...чувство разлуки не дает права на жизненные отношения» (см.: *Пришвин М. М. Дневники, 1923—1925. С. 62*). Текст этого подробного письма, повествующего о тяжелых бытовых условиях существования, практически не совместимых с творчеством, сохранился среди дневниковых записей, следующих за датировкой 7 ноября 1923 г. Оно начинается словами благодарности за переданную с Лежневым книгу «Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым» (Берлин; Пг.; М.: изд-во З. И. Гржебина, 1923).

² *Ремизов А.* Ушен: Сказ шакалий кабийский // Россия. 1924. № 2 (11). С. 62—79. См. примеч. 3 к п. 3.

³ *Гай Адольф Григорьевич* (псевд. Меньшой А.; наст. имя и фам. Лев Самойлович Левин (Левман); 1893—1938, репрессирован) — журналист, в 1910-х гг. жил в Америке; в 1913—1918 гг. был членом Американской Социалистической партии, с 1918 г. член ВКП(б); автор брошюр и книг, написанных в духе идеологической пропаганды большевизма; с октября 1918 по апрель 1919 г. — заведующий редакцией в газете «Правда»; в 1920—1922 гг. работал на дипломатической службе. В 1923 г. находился в Германии на лечении, а также приезжал в Берлин для установления контактов с зарубежным сменовеховством; в 1923—1926 гг. печатался в журнале Лежнева «Россия», где использовал псевдонимы *К. Спасский* (как сотрудник журнала) и *Старик* (в качестве автора, в частности, смелой статьи «Ростки фашизма?» (1926. № 3). В ходе развязанной кампании против контрреволюции во всех сферах социалистического строительства весной 1926 г. именно за сотрудничество со сменовеховским журналом «Россия» (см. о попытках укрыться под псевдонимами: *Игнатенко А.* Неизвестные страницы башкирской прессы // Бельские просторы. 2004. № 1. С. 113—118) Гай был исключен из ВКП(б), аресто-

- ван (см. воспоминания о нем сокамерника по Лубянской тюрьме: *Солоневич Б.* Молодежь и ГПУ: жизнь и борьба советской молодежи. М.; София: Голос России, 1937. С. 271–277) и получил десятилетний срок в Соловецком лагере. После досрочного освобождения в 1933 г. он жил в Омске, но уже в 1936 г. был вновь арестован по обвинению в антисоветской деятельности. Здесь цинга опередила его неминуемый расстрел (*Мишуrowsкая М.* Американский опыт Адольфа Гая-Меньшого // *Русские евреи в Америке* / под ред. Э. Зальцберга. СПб., 2017. Кн. 15. С. 49–80).
- ⁴ Упоминание о «мандате», несомненно, является подтверждением того, что Гай-Меньшой в 1923 г. был «кооптирован» в кавалеры знаменитой Обезьяньей Великой и Вольной Палаты. О реалистических основаниях миссии нового «посла» Обезвельволпала см. в вступ. ст. на с. 455. Подробнее о Гай-Меньшом см.: *Тепляков А. Г.* Нонконформизм среди конформистов: модели поведения в советской журналистике 1920–1930-х гг. // *Гуманитарные науки Сибири*. 2016. № 2. С. 84).
- ⁵ Пребывание Шкловского в Берлине продлилось с апреля 1922 по сентябрь 1923 г. и было связано с угрозой ареста писателя в Петрограде по обвинению в причастности к партии эсеров. См. также о перипетиях, пережитых Шкловским на пути в Берлин, в публикации: *Шкловский В. Б.* Письма М. Горькому (1917–1923 гг.) / примеч., подгот. текста А. Ю. Галушкина // *De visu*. 1993. № 1. С. 30–31. Из Берлина Шкловский вернулся в сентябре 1923 г., на свой страх и риск завершив для себя историю вынужденной эмиграции. В последнем письме из Берлина он писал Горькому: «Хожу по улицам и пою. 15<-го> уезжаю в Россию. <...> Итак, я еду и остальное зависит от крепости моих костей» (Там же. С. 39). Ср. также его поздние воспоминания о жизни в Берлине, характеризующиеся известной долей преувеличения по отношению к прошлому: «В Германии я жил долго, жил у Горького под Берлином, печатался в его “Беседах”. И хотя я не был никаким революционером и большевиком, все мы тогда в Германии готовились к восстанию. <...> по разным делам я бывал в советском представительстве. Приехала Лариса Рейснер, которая потом, в России, очень умно умерла за день до своего ареста, — она должна была поднять восстание на флоте, в порту (Гамбург?). Должно было быть, как у Эйзенштейна в “Броненосце «Потемкине»”. Я должен был возглавить отряд броневиков (которых тогда не было), чтобы брать штурмом Бранденбургские ворота. Но революции в Германии не произошло. И слава богу. Иначе — кто знает, что бы сейчас было...» (*Галушкин А.* [Разговоры с Виктором Шкловским] // *Новое литературное обозрение*. 2015. № 131. С. 239). В журнале «Россия» имя Шкловского впервые прозвучало в контексте статьи Лежнева «О романе и о Всевобуче» (1923. Март. № 7. С. 8–11), где теоретик формализма подвергся весьма нелестной критике. В 1924 г. Шкловский был допущен на страницы журнала со статьей «Новый Горький» в сопровождении редакционного примечания: «Редакция не разделяет многих положений этой статьи, но печатает ее, как весьма характерный образчик формального метода критика» (№ 2. С. 193–206). В статье Шкловский упомянул книгу Ремизова «Кукха. Розановы письма» (Берлин, 1923) как образец современного преобразования романной формы.
- ⁶ Покровское-Стрешнево — подмосковная дворянская усадьба, получившая название по фамилии бывших владельцев Стрешневых, представляет собой архитектурно-парковый комплекс с господским домом в стиле классицизма, вотчинным храмом XVII в. и постройками в псевдорусском стиле. В 1921 г. здесь был открыт музей под названием «Усадьба», с экспозицией, посвященной дворянскому быту.

Ко времени, когда вернувшийся из Берлина В. Шкловский поселился в комнате, расположенной в одном из усадебных строений, музей был закрыт, а сам архитектурный памятник постепенно разрушался. Обстоятельства жизни в Покровском-Стрешневе описаны в кн.: *Шкловский В.* Третья фабрика. М.: Круг, 1926 (новеллы «Родина», «Время шло по своему маршруту», «Весна и кусок лета» и др.).

⁷ Андрей Белый вернулся из Берлина в Москву 26 октября 1923 г. Сразу по приезде писатель провел несколько дней у В. О. Нилендера, а 1 ноября перебрался к директору Дорогомилковского химического завода Государственного треста анилино-красочной промышленности. Как он писал Иванову-Разумнику в тот же день, которым датировано и настоящее письмо Лежнева Ремизову, его временное жилье располагалось «около Девичьего Монастыря, вне города, в тихом благом месте, у А. И. Анненкова, на заводе». Здесь, как поначалу показалось поэту, он обрел идеальные условия для работы. Ср.: «После кошмарного, грохотного центра Берлина (Moztstrasse) жизнь почти на природе и возможность тихой работы меня соблазнила: я решил зазимовать в Москве и написать IV том своего “Начала Века”...» (Андрей Белый и Иванов-Разумник: переписка. С. 249). К декабрю 1924 г. эти впечатления резко померкнули. Ср. в автобиографической рукописи «Ракурс к дневнику»: «...тень Берлина еще надо мной. У Анненковых, как в 20-м году, становится невыносимо...» // Андрей Белый: автобиографические своды / сост. А. В. Лавров и Дж. Мальмстад. М.: Наука, 2016. С. 485. (Литературное наследство; т. 105).

⁸ *Соловьев Сергей Михайлович* (1885—1942) — поэт, прозаик, религиозный писатель, ближайший друг Андрея Белого.

⁹ *Соколов-Микитов* (наст. фам. Соколов) *Иван Сергеевич* (1892—1975) — прозаик, литературный критик, мемуарист; участник Первой мировой войны; летчик-бомбардировщик; в 1919—1920 гг. матрос грузового торгового судна, совершавшего рейсы в Европу; с 1920 г. — в вынужденной эмиграции в Англии; в мае 1921 г. поселился в Берлине; член берлинского Союза русских писателей и журналистов, сотрудничал в изданиях русской периодической печати («Новая русская книга», «Жар-птица», «Сполохи», «Голос России»). См. его автобиографический очерк, охватывающий период с 1918 по февраль 1922 г., в рубрике «Писатели — о себе» журнала «Новая русская книга» (1922. № 2. С. 41). В Россию Соколов-Микитов, постоянный автор литературного приложения газеты «Накануне», вернулся окрыленный сменевеховской программой. Ср. о нем в очерке-портрете, написанном в Берлине другим выразителем идеи «возвращенчества» — Г. Алексеевым: «За границей ему смерть. Будя — насмотрелся. <...> Часто я думаю, почему он не остался там, если случайность — почему еще здесь. Ведь если для писателя оторванность от родной земли — смерть, ему — первому. Годы за границей для него как писателя — прострел» (Алексеев Г. В. Ив. Соколов-Микитов / публ. Е. И. Горской // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 178—179), а также воспоминания, запечатлевшие писателя в эмигрантской среде (*Гуль Р.* Я унес Россию: апология эмиграции: в 3 т. Т. 1: Россия в Германии. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2001. С. 118—120). Дореволюционная биография писателя и берлинский период его жизни представлены также в книгах: *Смирнов Мих.* Иван Соколов-Микитов: очерк жизни и творчества. Л.: Наука, 1974; *Чернышев В. И.* С. Соколов-Микитов: жизнь и творчество. М.: Худож. лит., 2016). В августе 1922 г. он вернулся в Россию. 15 октября в литературном приложении к газете «Накануне» (Берлин) было помещено личное письмо Соколова-Микитова к А. Н. Толстому, начинавшееся словами: «Я теперь

счастлив тем, что я в России...» (№ 22. С. 7). С Ремизовым Соколов-Микитов познакомился в 1912 г. Обстоятельства тесного дружеского общения отражены в письмах 1913—1919 гг.: *Соколов-Микитов И. С.* Письма к А. М. Ремизову // Соколов-Микитов И. С. Собр. соч.: в 4 т. Л., 1987. Т. 4 / сост. П. П. Ширмаков; подгот. текста, примеч. А. Н. Гершаника и В. Н. Сажина. С. 261—282. О политической сатире обоих писателей, выступавших под псевдонимами на страницах петроградской «Простой газеты партии социал-революционеров для города и деревни», см.: *Субботин С. И.* К атрибуции псевдонимных сочинений из «Простой газеты» // Русская литература. 1992. № 1. С. 205—215. Новая встреча ожидала писателей в Берлине (см.: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: начало эмиграции, 1921—1922 гг. С. 21—22).

¹⁰ Здесь Лежнев пускается в мифотворчество. Соколов-Микитов, действительно, женился в конце мая 1923 г. Его избранницей стала Лидия Ивановна Малофеева (1900—1975), работавшая в 1922 г. на должности управляющей делами в московском издательстве артели писателей «Круг». Супруги стали жить на родине писателя — в деревне Кочаны; в этих местах, в доме родителей Соколова-Микитова, в 1918 г. гостили Ремизовы. Через год родилась дочь Ирина (Арина; 1924—1941?), хотя родители загадывали о рождении сына, которому уже было уготовано имя Никита (см.: *Чернышев В. И. С.* Соколов-Микитов: жизнь и творчество. С. 82).

¹¹ *Пильняк* (наст. фам. Вогау) *Борис Андреевич* (1894—1938) вошел в близкий дружеский круг общения Ремизова в 1921 г., когда образовалось, по его словам, «гнездо» учеников из начинающих писателей. Тема литературной преемственности была раскрыта Ремизовым в его первой, изданной в Берлине, книге «Ахру: повесть петербургская» (изд-во З. И. Гржебина, 1922). Перечисляя имена пишущей молодежи, Ремизов особо отметил московского товарища «Серапионовых братьев»: «Дом Искусств и Дом Литераторов огласился новыми молодыми птичьими головами, — и эту весну не забыть. Самый изобразительный и охватистый — большак — Б. А. Пильняк (Wogau), он и старше всех, уж книгу издал, сидит в Коломне под Москвой у Николы-на-Посадах, корову купил. На Пасху снялся в Петербург — А. М. Горький вывез! — привез роман “Голый год” и повесть “Ивана-да-Марью”» (*Ремизов А. М.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 2002. Т. 7. С. 19). После отъезда за границу его литературный авторитет как наставника был отрефлектирован и самими «учениками» в различных высказываниях начала 1920-х гг. Пильняк, вернувшись в марте 1922 г. из командировки в Берлин, где провел два месяца в тесном общении с Ремизовым, писал в очерке «Заграница» (1922, начало апреля), характеризуя уникальную способность «мастера» материализовать живую речевую культуру: «Ремизов — не пишет, а *делает* слова (вы помните его руки, всегда красные, в карандашной пыли. — Когда смотришь на них, видишь, в них зажаты слова, и эти слова имеют все: Ремизов не пишет, а *делает*, не пером, а *руками*)» (цит. по: Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7. С. 192). Собственно, тема «прикладного» художественного мастерства, которому можно научиться, как ремесленник учится у мастера, задала личную тему отношения Пильняка к Ремизову, о котором в другом месте своего очерка «Заграница» сказано с нескрываемым восхищением: «Алексей Михайлович Ремизов. Надо знать, надо видеть его — и тогда нельзя его не любить, никому» (Там же. С. 193). На волне творческого подъема, с которым Пильняк вернулся из Берлина, была написана повесть «Третья столица», которую сам писатель расценил как «*единственное* настоящее», что он создал, сообразуя свои мысли «о загранице, О России, о мире» (*Пильняк Б. А.* Письма:

в 2 т. Т. I: 1906—1922. С. 471). В письме Ремизову 29 июня 1922 г. Пильняк сообщил о посылке (предположительно для передачи в издательство «Слово») рукописи своего нового произведения: «Через недели полторы-две я пошлю Вам “Третью столицу”, “Мать-мачеху”, где на первой странице написано: “— Посвящаю Алексею Михайловичу Ремизову, мастеру, у которого я был подмастерьем — Бор. Пильняк + Никола — — —» (Пильняк Б. А. Письма: в 2 т. Т. 1. С. 475). Ср. печатную редакцию посвящения, предварившего первую публикацию повести: «Эту мою повесть, отнюдь не реалистическую, я посвящаю Алексею Михайловичу Ремизову, мастеру, у которого я был подмастерьем» (Пильняк Б. Третья столица // Круг. М.; Пг., 1923. Кн. I. С. 203). Об отношении Пильняка к Ремизову как к литературному учителю см. также во вступ. статье к публикации: Учитель или подмастерье? Семь писем Бориса Пильняка Алексею Ремизову / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Д. Кассек // Новое литературное обозрение. 2003. № 3 (61). С. 247—272.

- ¹² Несомненно, творчество *Исаака Бабеля* (1894—1940), пронизанное трагическим романтизмом, на первый взгляд кардинальным образом не согласовывалось с выдвинутой левыми основной задачей нового художника — подчинить творчество производственным задачам и «социальному заказу». В русле ЛЕФа развивались такие документальные формы как фото- и кинохроника, репортаж, производственный очерк. Между тем, идейные вдохновители нового искусства выражали свою толерантность к поэтике Бабеля, признавая, что написанные им на фронте книги «Конармия» и «Одесские рассказы» являются выражением новой художественной прозы. Ср. оценку творческого вклада Бабеля в разработку новаторских тенденций: «Литературе нужна конкретность и скрещивание с новым бытом для создания новой формы» (*Шкловский В. Б.* И. Бабель (Критический романс) // ЛЕФ: журнал левого фронта искусств. 1924. № 2 (6). С. 152). Заметим, что среди московских печатных периодических изданий именно журнал «ЛЕФ» в 1923—1924 гг. начал публикацию будущей книги «Конармия» и, в частности, упоминаемый в настоящем письме рассказ «Смерть Долгушева» (1923. № 4). Ср. автобиографию Бабеля 1924 г., в которой он, перепутав время публикации своих рассказов (правильно: 1923 г., см. также примеч. 13), утверждал: «Начало литературной моей работы я отношу <...> к началу 1924 г., когда в четвертой книге журнала “Леф” появились мои рассказы “Соль”, “Письмо”, “Смерть Долгушова”, “Король” и др.» (цит. по: *Zeev Bar-Sella.* Три автобиографии Исаака Бабеля // *Toronto Slavic Quaterly.* 2014. № 48. P. 5—25 // [Электронный ресурс] URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/48/tsq48_bar-sella.pdf (дата обращения: 26.02.2020). Как утверждают исследователи, до ноября 1924 г. практически все отзывы критиков о «конармейских» новеллах И. Э. Бабеля были хвалебными, так что реплика Лежнева («Все Лефы так и изрыкали») была, скорее, не оправдавшимся ожиданием реакции авангардистов. См.: *Геребен А.* «Конармия» И. Бабеля в литературной критике 20-х годов // *Slavica. Debrecen,* 1984. XX. С. 119—137. Ситуация резко переменялась с выходом из печати статьи, написанной от имени знаменитого полководца: *Буденный С. М.* [Тарасов-Родионов А. И.] Бабизм Бабеля из «Красной нови» // Октябрь. 1924. № 3. С. 196—197, в которой писатель был назван «врагом советской власти».

- ¹³ В четвертом номере журнала «ЛЕФ» за 1923 г. состоялась публикация шести рассказов из книги И. Бабеля «Конармия». На обложке номера ошибочно поставлен 1924 г., вместо 1923-го (см. примеч. 12). Причиной недоразумения стало то, что

в реальности журнал вышел из печати в самом начале 1924 г. В полном объеме «Конармия» была издана почти два года спустя: М.; Л.: ГИЗ, 1926.

¹⁴ Речь идет о новелле «Смерть Долгушова», в которой Бабель от лица героя-рассказчика Лютова, наделенного автобиографическими чертами, описал мучения смертельно раненного казака. Именно под псевдонимом «Кирилл Лютов» в годы Гражданской войны начинающий писатель печатался в армейской газете.

¹⁵ Текст письма испорчен клеем.

¹⁶ Имеется в виду девальвация национальной валюты в Германии. Ср. письмо Ремизова жене от 26 июля 1923 г.: «Сегодня 100 долларов — наши 750.000 М<арок>, вот и поди тут, изворачивайся». И от 7 сентября: «За брикеты (уголь) отдал 10.000.000 М<арок>. Хозяйка, у которой покупали, приходила в 1 ч<ас>. Я ей сказал, что жду. Она зайдет, и ей нужно отдать 10.815.000 М<арок>» («На вечерней заре»: главы из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло, 1923 г. С. 55).

¹⁷ Номер журнала с публикацией ремизовской автобиографии. См. п. 1, примеч. 1.

¹⁸ Очевидно, мотив «турецкого чая» получил в беседах Ремизова с Лежневым коннотацию с образом В. В. Розанова. Подробнее см. вступ. статью к наст. публ. на с. 454.

3

Москва, 10 / IV. 1924

Многоуважаемый Алексей Михайлович!

Получил «Scènes de la Révolution Russe»¹. Спасибо за внимание. Спасибо за книгу. Послать книгу мне — вернейший способ сделать ее достоянием московских и ленинградских лит<ературных> кружков. По Вашей надписи я обнаружил, что Вы переменили свой адрес; между тем я по старому Вашему адресу (rue de Passy)² послал заказной бандеролью первую книжку журнала «Россия» и заказное письмо. Надеюсь, что и то и другое будет Вам доставлено — на то и Европа. «Ушен» уже разрешен цензурой, набирается и целиком войдет во вторую книжку журнала³. В портфеле, стало быть, Вашего материала нет. Жду нового присыла. О характере желаемого материала писал Вам в заказном письме⁴. Теперь повторяю ту же просьбу. Еще большая просьба — высылать французские новинки, пригодные для перевода и издания в России. Если это не вызывает Ваших возражений — черкните о согласии и сообщите, сколько Вам для этого перевести денег. Жду отклика — письма, рукописи.

С искренним приветом,

И. Лежнев

¹ Речь идет о сборнике рассказов русских писателей, изданном в переводе М. Гиршвальда (псевд. S. Lieskov): Scènes de la révolution russe, par Ilya Ehrenbourg, Nicolai Nikitine, Boris Pilniak, Alexei Remisov / traduit du russe avec l'autorisation des auteurs par Serge Lieskov. Paris: La Renaissance du livre, 1923. Ремизов предоставил для сборника рассказ «Голодная песня» (1921) — «Chanson de la faim» (p. 180—183).

² Парижский адрес Ремизовых с 17 по 27 ноября 1923 г.: Rue de Passy, XVI, Villa du vieux jardin. Затем они переехали в квартиру, расположенную в районе Отей по адресу: 59 Rue Chardon-Lagauche.

³ Подразумевается публикация: *Ремизов А.* Ушен: сказ шакалий кабийский // *Россия*. 1924. № 2 (11). С. 62—79, которая была составлена из нескольких сюжетов, объединенных одним главным героем. Такая композиция позволила Ремизову использовать части для других публикаций. Например, один из сюжетов появился в эмигрантской печати под названием «Дрозд» в составе цикла «Шакал: сказ кабийский» на два месяца раньше публикации в журнале «Россия». См.: Последние новости. 1923. 23 дек. № 1126. С. 2—3.

⁴ Письмо не сохранилось.

4

Москва, 29 / VII <1924>

Многоуважаемый Алексей Михайлович!

Только что получил Вашу книгу «Звенигород Окликанный»¹. Спасибо. Зато никак не дожدهмся от Вас письма. Я и до сего времени не знаю, получили ли Вы №№ 1 и 2 «России». В частности, во второй книжке напечатан «Ушен». Теперь в портфеле нет ни одной строки Ремизова. Не пришлете ли еще чего-нибудь из богатейшего своего архива, не напишите ли для нас специально — сказки, рассказа, очерка, литературных воспоминаний? Очень хотелось бы получить очерки европейской жизни, но я, к сожалению, ни с кем в Париже не связан из французских литераторов или из русских, чье имя не было бы здесь одиозно. Может, поможете мне в этом? И еще одна просьба. Крайне необходимы французские литературные новинки, которые были бы хороши для перевода. Если б Вы не отказали в любезности переговорить с каким-нибудь русско-французским магазином, отобрали бы сами или, посоветовавшись бы с кем, для начала несколько книжек, а магазин выслал бы их в мой адрес наложенным платежом или на началах обмена. Ведь «Россия» в количестве нескольких хотя бы экземпляров найдет своего читателя и в Париже.

Сделайте, Алексей Михайлович, что можете, а главное — пришлите пару рукописей.

3-й №-р выходит в середине августа. Книжку Вам вышлю немедленно по выходе ее в свет².

Жду отклика, жду рукописей.

Ваш И. Лежнев

¹ Подразумевается авторский сборник легенд «Звенигород Окликанный: Николины притчи. Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатаз, 1924. В книге наряду с циклом легенд и сказок о Николе Чудотворце был также репрезентирован цикл «Жерлица дружинная <к картинам Н. К. Рериха, 1914—1915>», созданный в контексте Первой мировой войны на волне патриотических настроений (впервые цикл появился в сборнике: РОЕРИХ / текст Ю. К. Балтрушайтиса, А. Н. Бенуа, А. И. Гидони, А. М. Ремизова и С. П. Яремича; худож. ред. В. Н. Левитский; Десять сказок и притч Н. К. Рериха: [Сб.]. Пг.: Свободное искусство, 1916. С. 87—105).

² Очередной номер журнала «Россия» за 1924 г.

Многоуважаемый Алексей Михайлович!

Получил Ваше письмо и «Альманах»¹. Спасибо и за то и за другое. Жаль, что рукописей Ваших нет. Пять шакальных сказок вышлите, конечно. Не могу ручаться за успех, но всемерно постараюсь устроить их в каком-нибудь издательстве здесь или в Петрограде². В журнале печатать еще одну сказку из того же цикла, думаю, не следует, да и Вам, как автору, интересней, по-моему, выступить с чем-нибудь новым, что по самой уже теме стало бы в центре внимания. Очень жду этой рукописи для «России». Третья книжка выходит на днях. Она Вам будет выслана немедленно. Что касается иностранных книг, то я думаю, «Альманах» нам подскажет, какие именно следует выписать. Тогда я вышлю Вам список желаемых книг и деньги буду просить их закупить и переслать мне.

С искренним уважением,

И. Лежнев

¹ Очевидно, библиографическое издание на французском языке, которое так и не нашло отражения в журнале «Россия», поскольку книжное обозрение было прекращено в 1923 г. и возобновилось только в первом номере за 1926 г.

² По-видимому, Ремизов нашел возможным предложить для журнала «Россия» лишь очередные пересказы кабардинских народных сказок, часть которых уже была напечатана в конце 1923 г. под общим названием «Шакал: сказ кабардинский» (Последние новости. 1923. 23 дек. № 1126. С. 2–3; 25 дек. № 1127. С. 2–3). Цикл впоследствии печатался в 1931 и 1956 гг. См.: Алексей Михайлович Ремизов: библиография (1902–2021) / авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко // [Электронный ресурс] URL: <http://pushkinskijdom.ru/remizov/> (дата обращения: 30.12.2021).

Дорогой Алексей Михайлович!

Что ж это Вы «саботируете». Вот уже пару месяцев, как нет от Вас никакого отклика. Послал Вам третью книжку и не знаю даже, дошла ли она до Вас. Не получаю никаких рукописей, а ведь Вы обещали. Говорил мне профессор С. А. Адрианов, что встречался с Вами в Праге¹, но по его словам, Вы собирались обратно в Париж. Если Вы в Париже, и это письмо до Вас дойдет, подайте о себе весть, пришлите рукопись. Четвертая книжка скоро выходит, и я Вам ее, конечно, вышлю. Начиная с пятой печатаем новый роман Белого «Москва»².

У нас никаких литературных «сенсаций». Поругиваемся и поплевываемся. Разве вот новость: с нового года начнет выходить еще один толстый журнал

«Новый мир» под редакцией Н. И. Иорданского³. Это издание во многих отношениях «трехэтажное». «Мир Божий» родил «Современный мир», «Современный мир» родил «Новый мир»⁴. Или еще иначе: «Известия ЦК СССР» родили «Красную ниву». «Красная нива» родила «Новый мир» (журнал выходит в виде приложения к «Красной Ниве»). Или еще иначе: редакционная коллегия «Нового мира» состоит из троицы: Стеклов, Луначарский и еще кто-то⁵; редколлегия родила заведующего редакцией Н. И. Иорданского, зав. редакцией Иорданский родил секретаря опять так же, в трех лицах: М. К. Иорданская—Куприна—Давыдова⁶. Впрочем, я явно спутался: не Николай Иванович родил Марию Карловну, а Мария Карловна родила Николая Ивановича. Хватит багурить. Жду Вашей рукописи. Жду письма —

Ваш И. Лежнев

¹ *Адрианов Сергей Александрович* (1871—1942) — историк литературы, публицист; переводчик, известная фигура в научных и литературных кругах дореволюционного Петербурга: член Императорской Археографической комиссии (с 1896 г.), ученик И. А. Шляпкина; доцент Санкт-Петербургского университета (с 1905 г.), профессор Высших женских курсов; заведующий отделом критики журнала «Вестник Европы» (с 1909 г.), редактор газет «Слово» и «Русская молва»; критик и рецензент произведений символистов и модернистов; после Октябрьской революции — профессор Первого Высшего педагогического института; в 1922—1924 гг. один из последовательных сторонников национал-большевизма, ближайший сотрудник редакции журнала «Новая Россия» / «Россия» (см. его статьи: *Адрианов С. А.* 1) Добро пожаловать // Путь (Гельсингфорс). 1921. 2 дек.; 2) Третья Россия (не оживет аще не умрет) // Новая Россия. 1922. № 1). См. о нем: *Магомедова Д. М., Белодубровский Е. Б.* Адрианов Сергей Александрович // Русские писатели, 1800—1917: биограф. словарь / П. А. Николаев (гл. ред.). М.: Большая российская энциклопедия, 1989. Т. 1: А—Г. С. 25—26. Как литературный критик, Адрианов следил за творчеством Ремизова начиная с 1910-х гг. См. его «Критические наброски», посвященные произведениям, вошедшим в Собрание сочинений писателя (СПб.: Шиповник, 1910—1911), а также в книгу «За святую Русь: думы о родной земле» (Вестник Европы. 1915. № 4. С. 328—338). Летом 1924 г. Ремизовы приезжали в Прагу, где встречались с представителями русской литературной диаспоры. Д. А. Лутохин, заботившийся о парижских гостях на протяжении всего срока их пребывания в Чехословакии, зафиксировал в своем дневнике некоторые моменты встреч соотечественников. В частности, 16 августа он сохранил набросок о банкете в честь Ремизова. Среди приглашенных был Адрианов, очевидно сопровождавший в это время свою супругу, известную пианистку Э. П. Лодий, в концертном турне. Встреча навеяла петербуржцам воспоминания о символистском окружении 1900-х гг. (см.: Письма А. М. Ремизова к Д. А. Лутохину (1923—1925) / публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 950—951).

² В октябре—ноябре 1924 г. Белый написал первые две главы первой части романа «Москва». Ср.: «Он хотел писать новый роман “Москва”, но в два-три дня роман не напишешь. А если и напишется... где напечатать рукопись? И тут вдруг объявился Издатель. Это был Исая Григорьевич Лежнев. Он выпускал в Москве ежемесячный журнал “Новая Россия” (в 1924 г. «Россия». — Е. О.). Лежнев сам или

через сотрудников журнала узнав, что Белый собирается писать новый роман, предложил заключить с ним договор. Так как ни одно издательство не заключало договоров на произведения, еще не написанные, “под замыслы”, а Лежнев был готов подписать такой договор, то Белый согласился... Этот договор для Белого был нелегко. Лежнев покупал будущий роман, чтобы сначала пропустить его через свой журнал, а потом издать отдельной книгой — и все в счет того же гонорара. Для писателя такой договор носит название кабального. Однако, припертый безвыходностью положения и безденежностью, Белый пошел на эти условия; обе части романа — “Московский чудак” и “Москва под ударом” были закончены летом 1925 года. Для издания романа предложил свою помощь Б. Пильный в переговорах с А. К. Воронским. (Кабальный договор с И. Лежневым был к тому времени ликвидирован)» (*Медведев П.* Из встреч с Андреем Белым / предисл., публ. и примеч. Ю. П. Медведева // Андрей Белый. Проблемы творчества. С. 563; 569). Ср. также письмо Белого Иванову-Разумнику от 8 декабря 1924 г. в котором писатель раскрывает катастрофическую ситуацию своего финансового положения, загнавшего его в тиски издательского договора с Лежневым: «...теперь меня с мучительной операцией спасения меня и романа вырывают из “России” (Пильняк, Воронский, Богомильский): новый ряд неприятностей, грозящих дойти до народного суда; извольте при этом спокойно писать ответственный роман “Москва”, в котором не должны быть произнесены слова “дух”, “душа”, “Бог”, “мистика”. “красота” и т. д.; и в котором должна быть изображена революция (все цензурно!)» (Андрей Белый и Иванов-Разумник: переписка. С. 304).

³ *Иорданский Николай Иванович* (1876—1928) — участник революционного движения, видный публицист (псевд. Негорев), редактор многих изданий легальной социал-демократической печати; после II съезда РСДРП (1903) — меньшевик. В дальнейшем — ближайший соратник Г. В. Плеханова (см., в частности, об этом: *Жарков Н. Ю.* Редакторская политика журнала «Современный Мир» (1906—1917): в отношении его писателей и сотрудников // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2008. № 2. С. 219—222). Упоминание имени Иорданского, хорошо известного Ремизову по литературной жизни с конца 1900-х гг., наверняка носило симптоматический характер, являясь сигнатурой определенных сдвигов в советской литературной номенклатуре в сторону представителей с неоднозначно большевистским уклоном. В октябре 1917 г. Иорданский в качестве комиссара Временного правительства при армиях Юго-Западного фронта участвовал в организации воинских частей для подавления выступления большевиков. После Октябрьской революции жил в эмиграции в Финляндии. Организация просоветской газеты на русском языке «Путь» стала поводом для высылки его в Советскую Россию. Очевидно, в предварительных планах по созданию нового толстого журнала Иорданский фигурировал как наиболее достойный претендент на место главного редактора, однако после убийства В. В. Воровского он был переориентирован на дипломатическую деятельность и назначен полпредом СССР в Италии.

⁴ Иронически описывая в духе ветхозаветной истории «генезис» перечисленных журналов, Лежнев намекает на то, что основатели журналов «Мир Божий» (СПб., 1892—1906), «Современный мир» (СПб., 1906—1917) и «Новый мир» состояли в тесных родственных отношениях (см. примеч. 6). К тому же современникам было хорошо известно, что «Современный мир» был организован редакторами «Мира Божьего» вследствие закрытия последнего цензурным комитетом из-за поме-

- щения в восьмой книге статьи Иорданского (раздел «Политическое обозрение»), прогнозирующей после роспуска первой Государственной Думы возникновение в России революционной ситуации (подробнее о журнале: *Скворцова Л. А.* «Современный мир» // Русская литература и журналистика начала XX века, 1905—1917. М.: Наука, 1984; *Жарков Н. Ю.* Редакторская политика журнала «Современный Мир» (1906—1917): в отношении его писателей и сотрудников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. № 2. С. 217—222).
- ⁵ Первый же номер литературно-политического и научного журнала «Новый мир» вышел в 1925 г. под редакцией наркома просвещения *Анатолия Васильевича Луначарского* (1975—1933) и участника революционного движения, публициста, историка, в прошлом сотрудника журнала «Современный мир» *Юрия Михайловича Стеклова* (наст. имя и фам. Овший Моисеевич Нахамкис; 1873—1938 или 1941; репрессирован). После Октябрьского переворота Стеклов стал главным редактором газеты «Известия ВЦИК» (до июля 1925 г.), в 1923—1925 гг. (совместно с А. Луначарским) редактировал журнал «Красная нива». Первоначальный проект, по которому «Новый мир» должен был выходить как приложение к журналу «Красная нива», не получил развития; журнал издавался как самостоятельный орган печати. С 1926 г. главным редактором журнала становится Вяч. П. Полонский.
- ⁶ Подразумеваются родственные связи Иорданского. Его жена *Мария Карловна Иорданская* (в девичестве Давыдова, в первом браке за А. И. Куприным; 1879—1905) была приемной дочерью основательницы и издательницы журнала «Мир Божий» — *Александры Аркадьевны Давыдовой* (урожд. Горожанская; 1848—1902), после ее смерти Мария Карловна стала во главе журнала. О ее деятельности в журналах «Мир Божий» и «Современный мир» см. воспоминания: *Куприна-Иорданская М. К.* Годы молодости. М.: Худож. лит., 1966. Главы 38—39). С начала издания «Нового мира» в 1925 г. Куприна-Иорданская, в отличие от своего мужа, оказалась у кормила «Нового мира», став секретарем редакции.

7

Ревель, 1 июня <19>26

Дорогой Алексей Михайлович!

Давно уж не имел от Вас писем. Не знаю, где Вы и что с Вами. Пищу в Ваш старый адрес наугад. А писать необходимо: взяла меня беда за горло, и Вы один из немногих людей, которые сейчас могут мне помочь. Случилось же следующее: единственный в России беспартийный журнал, который я редактировал в течение 4-х с лишним лет («Россия» и «Новая Россия»¹) безвременно скончался. В начале мая и журнал, и издательство были закрыты. Помещение опечатано, меня арестовали, три недели я просидел во внутренней тюрьме ОГПУ, дважды у меня производили обыск, затем под конвоем препроводили до границы. Заграничный советский паспорт мне выдали, но я выслан на три года². Сопровождает меня жена, но и у нее на паспорте, как и у меня, значится пометка о том, что мы не можем вернуться на родину одним соизволением полпреда: требуется для выдачи обратной визы санкция Москвы. На паспорте, который

нам выдали, имеется лишь эстонская виза, причем виза эта не дает нам права на проживание даже в Ревеле: мы должны ехать на курорт в Гапсаль <sic!>³ — такова пометка эстонского консула. Сделана ж она потому, что, ходатайствуя о визе для меня, НКИД⁴ мотивировал поездку моей «болезнью». Так надо не позже послезавтрашнего дня выезжать вместе с женой на курорт. Забота о нашем здоровье была бы очень трогательной, если б не была зло разыгранной шуткой: ведь средств у нас никаких нет, жизнь на курорте стоит шальных денег⁵. Мое единственное «орудие производства» — перо, писать я могу единственно для России, а гапсальским курортом у нас не интересуются. Все те советские издания, куда я мог бы корреспондировать, о Гапсале не напечатают ни одной строки. Надо, стало быть, из этой эстонской Аркадии⁶ уносить ноги возможно скорей, пока они еще не отказываются передвигаться. Мне необходимо вырваться отсюда в Париж. В Париже я могу рассчитывать на ту или иную работу в посольстве. Мы с Раковским⁷ немного знакомы, есть у меня к нему солидные рекомендательные письма; когда я окажусь в Париже, то на его содействие могу рассчитывать твердо⁸. Важно лишь оказаться там. С другой стороны — Париж — неиссякаемая тема, интерес к России во Франции велик, можно писать для русских изданий и существовать на присылаемый из Москвы гононар.

Итак, нужно оказаться в Париже, получить французскую визу, к тому же возможно скорей. Ибо голодать с женой трудно даже в Аркадии. Голодовка 18-го, 19-го, 20-го и 21-го годов так надорвала организм, что сейчас позволять себе это «баловство» более невозможно.

Французский посол в Эстонии, да и в любом другом месте, не наложит визы на советский паспорт, пока не получит из министерства иностранных дел соответственные указания. Надо, чтоб из Парижа, министерства была отправлена на имя посольства или консульства в Ревеле телеграмма, разрешающая нам хотя бы временный въезд во Францию. Французы относятся терпимо, а, по некоторым сведениям, даже благосклонно к усилению культурных связей с Россией, к посещению Франции русскими писателями, художниками, актерами⁹. Надо лишь, чтоб инициатива исходила из французских кругов, в данном случае — литературных.

В конце лета 1923 г. мы виделись с Вами в Берлине¹⁰. Визу я тогда получил подобным же образом. Знакомым мне в Берлине человеком было получено от «Berliner Tageblatt»¹¹ отношение в министерство иностранных дел о том, что издательство заинтересовано в моем приезде в Берлин и вызывает меня для переговоров. С этим отношением приятель мой явился в министерство, подтолкнул дело, оплатил телеграмму. Она была тотчас получена в германском посольстве в Москве, и мне выдали визу. Нельзя сомневаться в том, что и у Вас найдутся хорошие знакомства и среди французских писателей, и в издательствах. Переводы Ваших вещей печатаются, вероятно, в Париже, также как они печатались. В частности, Вы, вероятно, связаны с редактором «La Nouvelle Revue Française» Жаком Ривьером¹² (адрес: 3 rue de Grenelle, Paris VI °). Да и не с ним одним только. Убедительнейшая моя просьба к Вам — при их содей-

ствии — получить нужное разрешение министерства иностранных дел, которое было бы по телеграфу передано сюда. Пусть это разрешение будет хотя бы временным — там, на месте, уже можно будет, вероятно, пролонгировать. Как я ни стеснен сейчас, но нужные на телеграмму гербовые марки немедленно вышлю, как только получу от Вас ответ на это письмо.

Вчера я написал в Париж своему доброму знакомому, бухгалтеру Торгпредства Михаилу Моисеевичу Шульдеру (Paris, XVIe, 39 rue Singer)¹³. Он к Вам, вероятно, зайдет. Сообщите ему, какие имеются возможности, держите в курсе дела.

Я писал ему, прошу Вас о том же: не рассказывать о прискорбном случае со мною в эмигрантской среде. Сливаться с нею я не собираюсь, а шумиха, которую подняла бы ихняя пресса, была бы мне тягостна. По той же причине я не обращаюсь к местному французскому послу со слезницей и жалобой на «людоедов-большевиков». С живой Россией я рвать не хочу. А если дома и бывают побои, то родной дом, несмотря на побои, мне милее ласковой чужбины.

А у нас в Москве сейчас, действительно, пошла какая-то полоса побоев. Конфискован № 5 «Нового мира»¹⁴ с рассказом Пильняка, посвященным: «дружески Воронскому»¹⁵. Сам же Воронский за это пильняковское посвящение отставлен от редактирования «Красной Нови»¹⁶. Очень опасаются, что Пильняку, находящемуся сейчас за границей, будет воспрещен въезд в СССР¹⁷. Наш всероссийский союз писателей, в связи с моими злоключениями и всем этим, кипит, волнуется, но это, конечно, ничего не меняет¹⁸.

Горячо прошу Вас помочь мне получить визу.

Искренне Ваш И. Лежнев

Р. S. Вот точные имена по паспорту: Исай Григорьевич Альтшулер-Лежнев. Эстер Соломоновна Альтшулер. Адресовать мне: Napsal, poste restante.

Жду Вашего спешного ответа при всех условиях по адресу: Napsal, poste restante. I. Lejneff.

¹ Здесь Лежнев ведет летоисчисление своего проекта с августа 1922 г., когда после запрета общественно-литературного и научного ежемесечника «Новая Россия» (1922, вышло два номера), в августе 1922 г., был отпечатан первый номер общественно-литературного журнала «Россия». Первоначальное название — «Новая Россия» — Лежнев восстановил в 1926 г. Под этим заголовком вышел первый номер ежемесечного органа «политики — экономики — общественности — литературы — искусства — критики». Однако объем переименованного издания значительно сократился. См. п. 1, примеч. 2.

² Ср. письмо Лежнева Н. В. Устрялову, отправленное 6 июня 1926 г. из Хаапсалу, в котором также описываются предшествующие события, послужившие причиной местонахождения Лежнева и его жены в Эстонии: «...8 мая у меня был обыск, одновременно — в издательстве и писчебумажном магазине нашего кооператива. Издательство и магазин были опечатаны. 9-го я был вызван в ОГПУ и там арестован, просидел в тюрьме около 3-х недель. Журнал и издательство закрыты, а я постановлением особого совещания выслан из пределов СССР на 3 года» (*Агурский М.* Переписка И. Лежнева и Н. Устрялова С. 588). Историю закрытия

журнала «Новая Россия» см.: *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. С. 215–219. Исследование мотивов высылки Лежнева в Эстонию см.: *Белобровцева И.* Дачник поневоле: эстонский эпизод в жизни И. Г. Лежнева. С. 83–88.

³ Гапсале — русское название эстонского города Хаапсалу.

⁴ Народный комиссариат иностранных дел СССР.

⁵ Ср. письмо Устрялову от 6 июня, в основных тезисах (вплоть до пассажа о нежелании принять на себя роль жертвы «большевиков-злодеев») аналогичное письму, адресованному Ремизову (*Агурский М.* Переписка И. Лежнева и Н. Устрялова. С. 588). История обретения эстонской визы, изложенная Лежневым в письмах к его корреспондентам, не согласуется с сохранившимися в Государственном архиве Эстонии документами редактора «Новой России» и его жены, в соответствии с которыми обнаруживается, что вынужденные «курортники» лично подавали заявление на эстонскую визу в город «Капсал» (Гапсале / Хаапсалу) с мотивировкой «для лечения» (подробнее см.: *Белобровцева И.* Дачник поневоле: эстонский эпизод в жизни И. Г. Лежнева. С. 84–86).

⁶ Топоним Древней Греции, ставший поэтическим названием места, ассоциированного с счастьем и беззаботной жизнью.

⁷ *Раковский Христиан Георгиевич* (наст имя и фам. Крыстю Георгиев Станчев; 1873–1941, расстрелян) — советский политический деятель, болгарин по национальности, дипломат. С 1923 г. — полпред СССР в Англии, в 1925–1927 гг. — во Франции; одновременно состоял в должности заместителя наркома иностранных дел СССР. См. о нем: *Чернявский Г., Станчев М., Тортика (Лобанова) М.* Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М.: Центрополиграф, 2014; а также сюжет, относящийся к 1926 г., в воспоминаниях: *Анненков Ю.* Дневник моих встреч: цикл трагедий / под общ. ред. проф. Р. Герра. М.: Вагриус, 2005. С. 632–633.

⁸ До известной степени парадоксально, что протекцию Лежневу составил Б. Л. Пастернак, который по просьбе опального редактора был готов просить поддержки у Раковского лично или через К. Б. Радека, но ввиду срочности высылки редактора «Новой России» смог лишь приехать на вокзал и там же написать в Париж К. Л. Зелинскому. Ср. это письмо от 1 июня 1926 г., которое является своего рода скрижалю, запечатлевшей и глубокое понимание механизмов машины большевистской власти, и поистине заповедное чистосердечие поэта: «Незадолго до высылки Радек по моей просьбе должен был поговорить с Дзержинским о Лежневе. Позволительно думать, что по пересмотре дела, м. б., его даже не выслали бы. Но Дзержинского не было эти дни в Москве. Высылка же, т. е. самая посадка на поезд, произошла неожиданно, и я не успел попросить у Радека письма Раковскому, в котором бы он мне не отказал и о котором в самую последнюю минуту попросил меня выслать. На вокзале пришло мне в голову написать Вам, Корнелий, о нем и попросить Вашего, и через Вас участия Хр<истiana> Августовича (Раковского. — Е. О.). Я знаю, что в представлении работы Вы, конечно, решительных шагов не сделаете, не запросив центра. И с этой стороны, вероятно, препятствие не встретится. Но выслушайте его со вниманием и доверием. Это умный, честный, до ослепленья верный строю человек. Я настаиваю на слове, проскальзывающем в письме второй раз: мир заложен для Лежнева, как политического романтика — идеей союза, кроме которого он в мировом пространстве ничего не помнит, не знает и не ищет. Потому-то я в “Нов<ой> России” и не стал сотрудничать. Казенные журналы, временами, проводящие это отождествление механически и по инерции, т. е. бесстрастно, я предпочитаю журналу честному, отстаива-

ющему этот антропоморфический миф со страстью. — Боюсь, разболтавшись с Вами, я затемнил для Вас существо первой просьбы и Вас рассеял. Я прошу, как принято это называть, о всемерном содействии Лежневу, который, верно, на днях пойдет в постпредство, если еще не зашел» (*Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Слово/Slovo, 2005. Т. 7. С. 285—286). Письмо Лежнева Зелинскому, написанное также 1 июня, сохранилось в архиве последнего. Лежнев в своем обращении рекомендовался незнакомому адресату: «Посоветовал мне обратиться к Вам Борис Леонидович Пастернак. Он, как и другие товарищи, как и всероссийский союз писателей, принимают живейшее участие в моей беде. Минут за десять до отхода поезда из Москвы он примчался на вокзал и, запыхавшись, сказал: “Еще вот что. В Париже, в нашем постпредстве, работает поэт Корнелий Зелинский, друг Сельвинского. Он там занимает должность, кажется, литературного секретаря Раковского. Обратитесь к нему. Ему о Вашем деле напишет Сельвинский, напишу и я”» (РГАЛИ. Ф. 1604. Оп. 1. № 676; цит. по: *Громова Н.* Узел. Поэты. Дружбы. Разрывы: из литературного быта конца 20-х — 30-х годов. С. 63).

⁹ «Источники» сведений Лежнева были точными, поскольку в 1927—1928 гг. советские писатели стали частыми гостями Парижа. В частности, в архиве Ремизова (Amherst) сохранились записки посещавших в этот период французскую столицу В. Лидина, О. Форш, Н. Никитина и К. Федина.

¹⁰ См. п. 1.

¹¹ Орган либеральной периодической печати Берлина — ежедневная газета, выходившая в 1872—1939 гг.

¹² Очевидно, Лежнев не знал, что главный редактор известного во Франции литературного журнала «La Nouvelle Revue Française» Жак Ривьер к моменту написания письма Ремизова уже полтора года как отошел к праотцам (Jacques Rivière; 1986—1925, февраль).

¹³ Биографические сведения о нем не установлены.

¹⁴ «Повесть непогашенной луны» была опубликована в пятом (майском) номере «Нового мира», основной тираж которого (не распространявшийся по подписке и в свободную продажу по киоскам) был полностью конфискован постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) № 25 от 13 мая 1926 г. в связи с признанием повести Пильняка «контрреволюционным и клеветническим выпадом против ЦК и партии» (цит. по: Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике, 1917—1953 / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 66). В основу повести легли бытовавшие в Москве слухи о том, что М. В. Фрунзе, умерший после операции 31 октября 1925 г., стал жертвой сталинской расправы, хотя публикация в «Новом мире» сопровождалась авторским примечанием, в котором автор, предвидя возможные сопоставления, отрицал взаимосвязь фабулы своего произведения с реальными событиями (см.: Новый мир. 1926. № 5. С. 5).

¹⁵ Формулировка посвящения («Воронскому, дружески») для определенного круга читателей имела подтекст, раскрывающий товарищеские отношения А. К. Воронского и скоропостижно скончавшегося полгода назад наркома по военным и морским делам. Это посвящение и стало основным аргументом, по которому содержание повести, несмотря на попытку Пильняка предупредить читательские коннотации с недавними событиями, было воспринято как разоблачительный документ, обращенный к ЦК. Воронский, между тем, действительно, сообщил Пильняку некоторые подробности о последних днях друга (см. письмо Воронского

- М. Горькому: Архив Горького. М., 1965. Т. 10. Кн. 2. С. 38), на основании которых писатель построил свой «рассказ о том, как машина человеческого коллектива подчиняет себе человеческие индивидуальности, и о том, как благие пожелания в нашей российской действительности очень часто превращаются в катастрофические непоправимости» (цит. по: Письмо А. И. Рыкову от 10 октября 1926 г. // *Пильняк Б. А. Письма: в 2 т. / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. К. Б. Андроникашвили-Пильняк и Д. Кассек. М.: ИМЛИ РАН, 2010. Т. 2: 1923—1937. С. 277).*
- ¹⁶ После конфискации журнала на Политбюро ЦК ВКП(б) от 13 мая 1926 г. было вынесено решение «предложить т. Воронскому письмом в редакцию “Нового мира” отказаться от посвящения Пильняка с соответствующей мотивировкой, которая должна быть согласована с Секретариатом ЦК». В шестом номере «Нового мира» за 1926 г. Воронский признал, что «Повесть непогашенной луны» являлась интерпретацией причин смерти Фрунзе и в этом смысле была «не только грубейшим искажением», «крайне оскорбительным для самой памяти тов. Фрунзе, но и злостной клеветой на нашу партию ВКП(б)» (*Новый мир. 1926. № 6. С. 184*). На том же заседании Политбюро было вынесено общее заключение о том, что «вся фабула и отдельные элементы рассказа Пильняка “Повесть о <sic!> непогашенной луне” не могли быть созданы Пильняком иначе, как на основании клеветнических разговоров, которые велись некоторыми коммунистами вокруг смерти тов. Фрунзе. И что доля ответственности за это лежит на тов. Воронском» (цит. по: *Власть и художественная интеллигенция. С. 67*). В результате Воронскому был вынесен выговор, а имя Пильняка поэтому же решению было исключено из списков сотрудников журналов «Красная новь», «Новый мир» и «Звезда» (Там же. С. 66). Отстранение Воронского от обязанностей члена редколлегии «Красной нови» произошло спустя полтора года — по решению ЦК от 10 октября 1927 г. (Там же. С. 77).
- ¹⁷ С февраля по сентябрь 1926 г. Пильняк был командирован в Китай и Японию. В 1927 г. в ленинградском издательстве «Прибой» вышел авторский сборник очерков Пильняка «Корни японского солнца», посвященный его путешествию по Японии, в сопровождении комментариев (гloss) Р. Кима. Другие творческие результаты поездки на Дальний Восток запечатлелись в книгах «Рассказы с Востока» (М., 1927), «Китайская повесть» (М.; Л., 1928), «Китайская судьба человека» (Л., [1931]). В 1938 г. писатель был расстрелян как японский шпион.
- ¹⁸ Характерно, что в ЦК усматривали связь между деятельностью журнала «Новая Россия», закрытого накануне 8 мая 1926 г., и ошибочными действиями редакции «Новый мир», напечатавшей повесть Пильняка. В девятом пункте постановления от 13 мая прозвучала рекомендация: «Предложить отделу печати ЦК дать печати <sic!> закрытую директиву по вопросам, связанным с закрытием “Новой России” и изъятием пятой книги “Нового мира”, особенно подчеркнув в ней необходимость строго соблюдать разграничение между критикой, направленной на укрепление советской власти, и критикой, имеющей своей целью ее дискредитирование» (*Власть и художественная интеллигенция. С. 66—67*).

Дорогой Алексей Михайлович! На прошлой неделе писал Вам с просьбой посодействовать в получении французской визы. Одновременно просил своего

доброе знакомого в Париже Михаила Моисеевича Шульдера зайти к Вам по тому же делу. Не знаю, возможен ли уже физический ответ от Вас, но я его жду каждый день с крайним напряжением. Сейчас хотел еще раз напомнить Вам о своем скверном существовании в Гапсале. Откликнетесь поскорее, как это только возможно. Прошлый раз писал из Ревеля. Не имел в Гапсале адреса, и потому просил ответить *post restante*¹. Сейчас мой адрес здесь определен. Вот он: Suur Promenad, 6. Пишите же! Искренне Ваш И. Лежнев

¹ Имеется в виду почтовая услуга «до востребования».

Список литературы

1. *Агурский М.* Переписка И. Лежнева и Н. Устрялова // *Slavica Hierosolymitana* / ed. L. Fleishman, O. Ronen, Dm. Segal. 1981. Vol. V/VI. С. 543—589.
2. *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris: YMCA-PRESS, 1980. 322 с.
3. *Алексеев Г. Ив.* Соколов-Микитов / публ. Е. И. Горской // *Встречи с прошлым*. М.: Сов. Россия, 1990. Вып. 7. С. 178—179.
4. Андрей Белый и Иванов-Разумник: переписка / публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. 736 с.
5. *Белобровцева И.* Дачник поневоле: эстонский эпизод в жизни И. Г. Лежнева // *Топография культур: деятели русской культуры — дачники в Эстонии*. М.: Флинта; Наука, 2011. С. 83—88.
6. В. И. Ленин. Неизвестные документы, 1891—1922 / Федер. архив. агентство, Рос. гос. архив соц.-полит. истории. 2-е изд. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 671 с.
7. Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике, 1917—1953 / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.
8. *Геребен А.* «Конармия» И. Бабеля в литературной критике 20-х годов // *Slavica Debrecen*, 1984. XX. С. 119—137.
9. *Громова Н.* Узел. Поэты. Дружбы. Разрывы: из литературного быта конца 20-х — 30-х годов. М.: Эллис Лак, 2006. 720 с.
10. *Дмитриев А.* Большевики, интеллигенты и российская самобытность: к истории сменовеховских диагнозов // *Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия* / под ред. Э. А. Паина. М.: Три квадрата, 2010. С. 70—95.
11. *Ермолинский С.* О времени, о Булгакове и о себе / предисл. Н. И. Крымовой. М.: Аграф, 2002. 448 с.
12. *Игнатенко А.* Неизвестные страницы башкирской прессы // *Бельские просторы*. 2004. № 1. С. 113—118.
13. *Квакин А.* Между красными и белыми: Русская интеллигенция 1920—1930 годов в поисках Третьего пути. [М.]: Центрополиграф, 2006. 413 с.
14. *Крюкова А. М.* Горький и Андрей Белый: из истории творческих отношений // Андрей Белый. Проблемы творчества: статьи, воспоминания, публикации / сост. Ст. Лесневского, Ал. Михайлова. М.: Сов. писатель, 1988. С. 282—308.

15. *Лежнев И.* Где же новая литература? // Россия. 1924. № 1. С. 179–203.
16. Михаил Булгаков. Письма: жизнеописание в документах / вступ. ст. В. В. Петелина; коммент. В. И. Лосева и В. В. Петелина. М.: Современник, 1989. 576 с.
17. *Мишуровская М.* Американский опыт Адольфа Гая-Меньшого // Русские евреи в Америке / под ред. Э. Зальцберга. Иерусалим; Торонто; СПб., 2017. Кн. 15. С. 49–80.
18. «На вечерней заре»: главы из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло, 1923 г. / коммент. Е. Р. Обатниной; подгот. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 11. С. 36–91.
19. «На вечерней заре»: главы из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло, 1924 г. / коммент. Е. Р. Обатниной; подгот. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 14. С. 45–108.
20. *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: «...или в Россию, или в Париж...», 1923 г. // Литературный факт. 2109. № 11. С. 8–35.
21. *Пришвин М. М.* Дневники, 1923–1925 / подгот. текста Я. З. Гришиной, Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной. СПб.: Росток, 2009.
22. *Солоневич Б.* Молодежь и ГПУ: Жизнь и борьба советской молодежи. М.; София: Голос России, 1937. 464 с.
23. *Стрелец [Столяров М. П.]*. Письма о современной литературе // Россия. 1925. № 4 (13). С. 285–304.
24. *Тепляков А. Г.* Нонконформизм среди конформистов: модели поведения в советской журналистике 1920–1930-х гг. // Гуманитарные науки Сибири. 2016. № 2. С. 82–88.
25. *Троцкий Л.* Литература и революция. М.: Изд-во политической литературы, 1991. 399 с.

Архивные источники

Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи

Биография и время

- Т. В. Игошева.* «И голос мой негромок...»: о литературной репутации
М. А. Зенкевича 1930-х гг. 5
- О. Д. Трушин.* Писатель и власть: письмо Ф. А. Абрамова Н. С. Хрущеву
(26 апреля 1954 г.). 31

К истории бытования текста

- М. М. Гудков.* «Пурга» в России и Америке: пьеса Д. Щеглова
на отечественной сцене и Бродвее (1920-е) 45
- Т. Г. Иванова.* Советский миф в фольклоре: «Про Зою девушку
Космодемьянскую...» 94

Заметки комментатора

- И. В. Ткачева.* Комментарий к «ненаписанным воспоминаниям» К. А. Федина
о С. Есенине и В. Маяковском 116
- Т. В. Игошева.* Неизвестный шарж на Н. А. Заболоцкого. 125

II. Публикации

Из литературного быта

- Литературный салон и «Альбом» Л. М. Поповой (*Вступительная статья,
подготовка текста и комментарии Н. А. Прозоровой*) 135
- Инскрипты поэтов, писателей, друзей-переводчиков и учеников
в книжном собрании Э. Л. Линецкой (*Вступительная статья,
подготовка текста и комментарии Н. С. Беляева*) 295

Из творческого наследия

- Стихотворение Т. Г. Гнедич «Вы помните? Через пустынный мост...»
(*Вступительная статья и подготовка текста Е. В. Виноградовой*) 350
- Неопубликованные новеллы из книги В. А. Рождественского «Шкатулка памяти»
(*Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
Е. М. Аксеевко*) 361
- Поэма О. А. Охупкина «Fliegend Holländer: петербургская повесть» («Летучий
голландец», 1972) (*Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии А. Г. Корсунской*) 401

Мемуары, дневники, эпистолярный

Письма И. Г. Лежнева А. М. Ремизову (1923—1926) (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Обатниной</i>)	445
И. М. Арутюнов. Маяковский читает «Хорошо!»: воспоминания (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. С. Цветовой</i>) ..	481
Е. А. Вечтомова. Блокадный дневник (13 декабря 1941 г. — 5 января 1942 г.) (<i>Вступительная статья, подготовка текста Н. А. Прозоровой, комментарии Н. А. Прозоровой и М. С. Инге-Вечтомовой</i>)	496

Из архива ученого-филолога

«Аристократ духа»: из воспоминаний Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском в 1905—1928 гг. (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. С. Левшиной</i>)	566
Именной указатель	624
Сведения об авторах	651

*Утверждено к печати на заседании Ученого Совета
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
протокол № 7 от 4 октября 2021 г.*

Научное издание

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Сборник статей и публикаций

Книга 3

Ответственный редактор-составитель *Н. А. Прозорова*

Выпускающий редактор *А. П. Дмитриев*
Компьютерная верстка *С. В. Степанова*
Художественное оформление *Л. Модебадзе*

Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Гарнитура Petersburg. Печ. л. 42,0.
Тираж 1000 экз.

ООО «Полиграф»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
URL: <http://www.rostokbooks.ru>
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: 8–921–937–98–70

ИП «Варваркин А. И.»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 3, оф. 4

*Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена для детей старше 16 лет*